

СТАРЧЕСТВО ПО УЧЕНИЮ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ И АСКЕТОВЪ

"Дажь кровь и приими духъ"

Протоіерей Александръ Соловьевъ

г. Семипалатинскъ
Типогр. Семип. Обл. Прав.
1900

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ

СТАРЧЕСТВО

Дажь кровь и приими дух.

ВСТУПЛЕНИЕ. Старчество на Руси. Козельская Оптина пустынь и ее значение. Задача настоящего труда.....3

ГЛАВА 1. Необходимость монашества в жизни Церкви Христовой, как прямого и богооткровенного указания смысла и цели жизни для бессильного человека. Мученичество и монашество. Цель монашеского отшельничества и аскетизма. Виды монашеского устройства.....15

ГЛАВА 2. Необходимость руководства в духовной жизни. Избрание духовного руководителя и предание ему себя...33

ГЛАВА 3. Сущность старчества, завет между старцем и учеником. Старец и его служение, любовь по отношению к ученику, руководство, соответствующее природе и душевному строению ученика, и окормление. Постепенное искоренение страстей и постепенное насаждение добродетелей путем: а) познания своих немощей; б) самоукорения; в) благодарного перенесения скорбных искушений. Награда старца. Примеры старческого влияния и окормления.....55

ГЛАВА 4. Добродетели ученика по отношению к старцу: вера к наставнику, внешнее и внутреннее послушание наставнику. Значение откровения помыслов для духовного совершенствования послушника. Посильный ли подвиг — послушание?.....97

ГЛАВА 5. Великое достоинство и плоды послушания. Лестница послушания, возводящая чрез смирение к любви и Богу. Заключение.....141

От Московского Духовно-Цензурного Комитета печатать
дозволяется. Москва, ноября 1 дня 1899 г.

Цензор Протоиерей Александр Смирнов.

Протоиерей Александр Соловьев. Старчество по учению
святых отцов и аскетов. Благовест (Москва—Рига), М.,
1995, —160 с.

Печатается по изданию г. Семипалатинска, 1900.

ЛР № 060151 от 29/VIII 91. Сдано в набор 27/III 95. Подписано
в печать 05/V 95. Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Бумага
офсетная. Гарнитура таймс. Объем 10,0 п.л. Заказ : 1132.

Отпечатано в Калужской типографии стандартов. Московская, 256.
ПЛР № 040138

ISBN—5—87310—023—3

В С Т У П Л Е Н И Е

Старчество на Руси. Козельская Оптиная пустынь и ее значение. Задача настоящего труда.

«Если хотите узнать основательно дух христианства, — говорил И. В. Киреевский, — то необходимо познакомиться с монашеством; а в этом случае лучше Оптиной пустыни (где введено старчество) трудно найти» (Леонтьев К. Н. О. Климент Зедергольм, М., 1882, стр. 4). Это замечание светского писателя о сущности христианского подвижничества, обстоятельно развитое, художественно и правдиво выраженное Ф. М. Достоевским (в романе «Братья Карамазовы»), вполне справедливо. Монашество есть лучший цвет христианства, «идеализм христианства», отображение Евангельской жизни. «Свет монахам, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — Ангелы, а свет для мирских — монашеское житие» (26 сл. и 31). Но цвет самого цвета христианства, лучшее выражение монашества — это старчество. Что такое старчество, в чем его сущность — эти вопро-

сы возобновились в нашей духовной литературе лишь в последнее время. Всероссийское значение и молва об оптинских старцах: Леониде, Макарии и Амвросии — способствовали ознакомлению русского общества с этим особым устройением монашеской жизни. Жаждавший духовного совета русский народ издалека, в большом количестве, самого разнообразного общественного положения и умственного развития, начиная с мужика, мещанина и кончая столичным чиновником, сановником, устремлялись к старцам в Козельскую Оптину пустынь. Письма с духовными запросами и с ответными словами одобрения, совета и утешения во множестве приносились и разносились оттуда. У старцев в Оптиной пустыни побывали и известные наши писатели: Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский (там и похоронен в 1856 г.), Ф. М. Достоевский, под впечатлением продолжительных бесед со старцем Амвросием в 1877 году и написавший свой роман «Братья Карамазовы», К. Леонтьев и ныне здравствующие Л. Н. Толстой и Вл. С. Соловьев (Душеполезное чтение, 1898 г., кн. 1 и др.).

Зная хорошо свой народ и его духовные потребности, один из этих писателей, Ф. М. Достоевский писал между прочим следующее: «Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему». Народу без этой веры было бы тяжело жить.

А тут думается: «Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит не умирает она на земле, а стало быть когда-нибудь и к нам перейдет и водворится по всей земле, как обещано» (Братья Карамазовы, 1881 г., стр. 53). Иметь живой образ святости — это действительно духовная потребность, отрадная для народа. Среди жизни, исполненной пороков, злобы и лжи, для нашего народа отрадна и ничем не заменима мысль и сознание, что есть, и близко — в нашей же несовершенной жизни, человек, который стоит выше дрызг житейских, служит правде, умеет указать путь к правде и другим и как немерцающая лампада, освещая непроглядную тьму, горит духом, предстательствуя за всех пред Богом. И раз пронеслась молва чрез какого-нибудь странника Божия о великом каком-либо подвижнике, друге и учителе, потянется православный люд с посохом и котомкой за спиной, не стесняясь ни пространством, ни временем, к святым местам, повидать немирских людей, ближе стоящих к Богу, принести пред ними покаяние и научиться, как жить по Божьи. Пишущему эти строки два раза студентом Духовной Академии пришлось побывать у радетеля скорбных и сильного молитвенника о. Иоанна в Кронштадте и быть очевидцем этой издалека прибывшей многотысячной толпы, жаждавшей видеть, испросить помощь и благословение «от батюшки». И такая картина, как общая исповедь в церкви, поголовный плач не изгладится во всю жизнь. Трогательно видеть тысячи устремлен-

ных глаз на то лицо, которое толпа считает своим вождем, нельзя не растрогаться при виде этих взглядов, полных выражения веры, надежды, любви и сокрушения. Велико и обширно бывает влияние такого духовного вождя — хранителя правды Божией. Его личность, слово его, его пример неотразимо действуют на восприимчивую почву, пробуждая и поднимая засоренное нравственное чувство, вызывая к добру и правде, иногда прямо даже перерождая жизнь. Указывают примеры, как после одной только встречи, разговора с подобным духовным вождем некоторые личности изменяли свою прежнюю скучную и греховную жизнь на кроткую, благодетельную и богоугодную. За христианским знаменем идут охотно и бодро, когда его несут руки духовного вождя-героя. И, благодарение Богу, такие сильные знаменосцы, по наблюдению историков, выдвигаются в самое нужное время, т.е. во время упадка веры и нравственности, и ими не оскудевает Православная Русь. И одного такого сильного знаменосца и светильника достаточно для целого народа. Так в ветхом завете Господь ищет среди еврейского народа народного защитника — хранителя, могущего отвратить Его гнев. *Искал Я у них, — говорит Господь устами Пророка, — человека, который бы поставил стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил, и не нашел* (Иезек. 22, 30). Когда св. Епифания епископа Кипрского спросили, достаточно ли одного праведника для умилоствления Бога, он отвечал: «Достаточно, ибо Сам Бог сказал: *еще обращаете единого мужа, творящего суд и ищущего ве-*

ры, милосерд буду всему народу» (Достопамятные сказания, стр. 88).

О великом значении для русского народа такого духовного оазиса, как Оптиная Козельская пустынь можно судить с указанной точки зрения. Старец Леонид, настоятель Моисей, старцы Макарий и Амвросий, настоятель Исаакий были, можно сказать, такими духовными вождями, нужными и дорогими для народа. И стала таким духовным оазисом Оптиная пустынь именно благодаря особому своему учреждению монашескому, — благодаря старчеству. Явилось старчество здесь сравнительно недавно. Восстановителем преданий старчества и насадителем его в России считается великий молдавский старец Паисий Величковский. Родившись в Полтаве в 1722 году, Паисий ушел тринадцати лет в монастырь Любичский, на Днепре, пожив затем в Медведовской обители, Киевской лавре, он три года жил в молдавских скитах, где руководителями его были богомудрые старцы — старец Михаил и схимонах Онуфрий. «От оных бо отец уразуме, — говорит древний жизнеописатель Паисия, — что есть истинное послушание, от него же рождается истинное смирение, совершается умерщвление своя воли и рассуждения, и всех, яже мира сего, еже есть начало и конец нескончаемый истинного монашеского деяния». Свое подвижничество и послушничество образование Паисий кончил на Афоне. Вернувшись во Влахию, он основал общежительный монастырь в Дрогомирне, где «многими трудами и слезами древний монашеский единомушный чин обновил», немало потрудясь

и в переводе св. отцов-подвижников. Умер Паисий настоятелем монастыря в Нямце в 1794 году, семидесяти двух лет. В основу монастырской жизни Паисий положил старчество. Для XIX века Величковский был тем же, чем преп. Сергей для XV столетия: у нас на Руси он был успешным насадителем истинного монашества, которое, явившись на Русь с Востока вместе с христианством, начало падать с реально-практического Петровского времени. В Оптиной Козельской пустыни, как известно, старчество благоустроено было старцем Леонидом, духовным сыном и другом ученика о. Паисия Величковского — схимонаха Феодора, в тридцатых годах нашего столетия; после Леонида († 1841 г.) старцами были упомянутые Макарий († 1860 г.) и Амвросий, недавно почивший (в 1891 г.).

Среди лесов, в стране далекой и глухой,
Обитель мирная издавна приютилась,
Стеною белою от мира оградилась
И в небо шлет мольбу за пламенной мольбой.

* * *

Здесь храмы... иноки... и много лет живет
В лесу, в скиту святом, здесь старец прозорливый;
Но мир о нем узнал: рукой нетерпеливой
Стучит уж в дверь к нему и просится народ...

* * *

Им принят всякий здесь: и барин и мужик,
Богатый и бедняк, — всем нужен старец чудный:
Струей целительной в волненьях жизни трудной
Здесь утешенья бьет духовного родник.

* * *

Здесь хорошо; здесь можно отдохнуть
Душой усталою в борьбе за правду Божию,
И свежих сил здесь можно почерпнуть
На новый, грозный бой с безверием и ложью.

Настоящий труд имеет своей задачей с религиозно-психологической точки зрения раскрыть учение св. отцов-аскетов — древних учителей подвижничества и русских оптинских и других аскетических современных писателей об особом монашеском устроении — старчестве, о его несомненных добродетелях, выяснить всю необходимость старчества в жизни монашества, значение его для окормляемых учеников и самого окормителя — старца*.

Хотя учение и наставления подвижников относились к подвижникам же, но они имеют большое значение и интерес и для всякого мирянина, ревнующего о своем спасении. У монашествующих и у мирян при различном внешнем устроении одна и та же цель — быть истинными христианами; требования для этого от тех и других одинаковы, ибо «един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф. 4, 5); средства к тому и пастырство у тех и других по существу

* — Главным источником при написании сочинения служили: Добротолюбие (5 томов в переводе еп. Феофана); отдельно изданные полные творения св. отцов: Василия Великого, Иоанна Лествичника, преп. Варсануфия Великого и Иоанна, Исаака Сирина, аввы Дорофея; Огласительные поучения св. Феодора Студита, св. Петра Дамаскина; Достопамятные сказания о подвижничестве св. отцов; Древний патерик и др.; духовная литература о монашестве: труды еп. Феофана, еп. Игнатия Брянчанинова, еп. Петра, жизнеописания и письма оптинских и других старцев, письма Святогорца, Нила Сорского, и т.п.

одни и те же. Вопрос о применении высоких истин христианства в жизни разными подвижниками имеет важное значение для всякого христианина. Как ни просты, по-видимому, те или иные истины Евангелия, они нам кажутся недостижимыми, отвлеченными. Кому не бросалось в глаза, кого не приводило в уныние это несоответствие, недостаточность связи между великими словами религии и обыденной жизнью? Для нас важно видеть именно практическое применение в жизни разных христианских добродетелей, нужно знать, как христианские истины применялись или применяются на деле обыкновенными же людьми среди обычных условий нашей жизни; проще говоря, нам нужны убедительные примеры житейского опыта, образы святого жития человеком испытанные и Богом благословенные. Без приложения на практике истины Евангелия так и остаются отвлеченными. Посему такие подвижники, как, например, свт. Тихон Воронежский, преп. Сергей Радонежский, преп. Серафим Саровский, старцы оптинские и другие нам дороги, и нам важно знать их подвиги, знать, как они поступали среди нашей — русской обыденной жизни. Хотя образ совершенства и на все времена дан нам в лице Иисуса Христа, сами, однако, и упомянутые великие подвижники изучали и подражали в своей жизни кому-нибудь из прежде просиявших святых. Св. Макарий Великий, например, учился и подражал св. Антонию Великому, св. Иоанн Златоуст подражал св. апостолу Павлу, святитель Тихон Воронежский был «рев-

нитель Златоустого», а еп. Феофан и Иеремия-отшельник следовали стопам св. Тихона.

Аскет в душе — русский народ глубоко чтит подвижников, ищет в их жизни примеров для подражания, и любимым чтением для него, кроме Житий Святых, являются патерики и творения подвижников: св. Исаака Сириянина, преп. Иоанна Лествичника и др. Русский раскол на том и держится, что люди стоят не за правила, а за образцы спасения, желают воспроизводить целиком бывшее — и внешнюю обстановку, среди которой спасались наши предки. Вопрос о том, как спастись и как спасались, имеет существенное значение. «Двое из замечательных покойных оптинских старцев, — говорит старец же оптинский Амвросий, — часто говаривали, — один: искусство — половина святости; а другой, при чьих-либо ошибках от неуместной ревности, всегда произносил: свят, да неискусен, потому что неискусство при неуместной ревности часто может производить безтолковой путаницы не менее самого греха» (Сборник писем старца Амвросия, ч. I, стр. 15). С этой точки зрения и небезоснователен взгляд, что ищущим добродетели полезнее читать повести о подвижниках и их назидательные и опытные изречения, чем рассуждать даже об источнике истины — Священном Писании. «Авва Аммон, — говорится в одном патерике, — спросил однажды старца Пимена: если будет нужно говорить с ближним, то как тебе кажется — лучше ли говорить с ним о Священном Писании или лучше об изречениях и мыслях старцев? Старец сказал ему в ответ: если нельзя мол-

чать, то нужно говорить об изречениях старцев, нежели о Священном Писании. Ибо говорить о Священном Писании немало опасности» (Древний Патерик, стр. 4).

Но сумел ли автор выполнить свою задачу, об этом он предоставляет судить опытным читателям. Чтобы понять и оценить такое жизненно-практическое монашеское устройство, как старчество, нужен опыт. Лишь старцы и послушники вполне понимают значение этого устройства. И теоретическое письменное учение отцов-аскетов понятно больше делателям — «эти книги (т.е. книги св. аскетов) дела требуют», «дела святых деяньми читай», как характерно выражались об этих отеческих аскетических творениях оптинский настоятель Моисей и оптинский старец Леонид. И преосвященный митрополит Гавриил Петербургский и Филарет Московский, как известно, перевод аскетических творений, сделанный профессорами академии, поручали исправлять старцам. «Они, — говорил митрополит Гавриил переводчикам относительно этих справщиков, — хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из опыта духовные истины, непостижимые только одним книжным учением, и поэтому правильное вас могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этих книгах» (Предисловие к житию старца Паисия Величковского, стр. 11-12).

«Кто ведет речь о совершенстве, о радовании, или о безстрастии, — говорит Макарий Великий, — не ощутив в себе их действительности и удостоверения в них, уподобляется человеку, который при наступле-

нии дневного зноя идет пустым полем и, томясь жаждой, описывает источник, струящийся водою, изображая себя пьющим, так как засохли у него уста и язык от палящей жажды, — или человеку, который говорит о меде, что он сладок, но не вкушал его сам и не знает силы его сладости. Но на деле не всегда бывает так, как он говорит. Ибо, когда человек сподобится со временем, хотя отчасти, приступить к делу, тогда рассудит он сам с собою: «Не так оказалось, как полагал я. Иначе рассуждал я, а иначе действует дух» (Добротолюбие, т. 1, стр. 220).

Но в свое оправдание мы приведем слова св. Василия Великого: «Делаюсь и я сведущее и разумнее себя самого из самого вопроса, научась многому, чего еще не знал. И попечение об ответе бывает для меня учителем. Сказано: несмысленну, вопросившу о мудрости, мудрость вменится» (Притч. 17, 28, 1-е письмо св. Василия Великого к Амфилохию Икон. ч. 7). А здесь, у подвижников христианских, есть чему поучиться! Св. Иоанн Златоуст, изображая современную иноческую жизнь, говорит: «Приди и учись у иноков. Это — светильники, сияющие по всей земле; стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть от непрерывного прилива волн. Ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрерывно приражающихся к тебе скверн, ты мог насто-

ящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ... Как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим, так и те, восходя в беседах к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают» (Из беседы на Евангелие от Матфея).

Г Л А В А 1

Необходимость монашества в жизни Церкви Христовой, как прямого и богооткровенного указания смысла и цели жизни для безсильного человека. Мученичество и монашество. Цель монашеского отшельничества и аскетизма. Виды монашеского устройства.

*Не искушение ли житие человеку
на земли (Иов. 7, 1).*

*Пустынным непрестанное Божественное
желание бывает (Антиф. 1-го гласа).*

Жизнь человеческая часто сравнивается с морем. Неизведанное в своей глубине, таинственное, необозримо-безбрежное, изменчивое и непостоянное, то тихо-спокойное, то бурно-гневливое и рокошующее, море своим видом и своею жизнью действительно напоминает океан жизни человеческой. Много и в жизни человеческой таинственно-загадочного, неразъяснимого, неустойчивого, то стихийно-слепого, то разумно-высокого, много и здесь опасных треволнений и водоворотов. И как жалка утлая

человеческая ладья на этом необозримом глубоком, страшном и неведомом просторе! Как щепка, она носится часто безцельно, бесплодно, влекомая все-сильным духом времени или дерзким своеволием. Безсилен человек разъяснить тайну жизни своей. Человек прежде всего сам для себя загадка, представляет соединение каких-то противоположностей, чего-то несоединимого: то он, духовный, побеждает страсти и плоть, то он, плотской, побеждается страстями и плотью, то он пресмыкается на земле, то парит орлом в небе. В своей практической деятельности он все силы напрягает к какому-то счастью, чего-то ищет, чего-то желает, увлекается то одним, то другим, суетится, а все как-то остается неудовлетворенным, беспокойным. Желания даны ему безграничные, стремления необъятные, а сила ограниченная, воля слабая. Безсилен человек определить свое место и цель жизни, безсилен проникнуть и за даль непогоды, за горизонт окружающего. Осмыслить свою жизнь, определить свое место и цель человечество в лучших своих представителях, однако, всегда пыталось. Загадочный вопрос о смысле и цели жизни человеческой, о душе, о таинственном мире загробном, о бытии надмирном всегда стоял пред душевным взором мыслящего человека. И нельзя не решать ему этих существенных вопросов: от решения их зависит самая жизнь человека, вся его жизнедеятельность и жизнеспособность. Всякое намеренно равнодушное отношение к этому вопросу или, наоборот, увлечение им, удачное решение его сейчас же отражается в жизни. Подавленный в од-

ну эпоху он с большей силой встает в другую, неудачно решенный или нерешаемый он грозит смертью целому народу. Вся история человечества представляет из себя такое или иное решение этого вопроса, все лучшее в жизни человечества, все улучшения и совершенствования вызваны этим вечно решаемым вопросом.

Где же искать решение этой загадки, загадки таинственно-неразъяснимой жизни человека? Вся прошедшая и настоящая история человечества показывает, что сам человек своими силами не может разрешить удовлетворительно загадку своей жизни. Углубитесь в века минувшие, посмотрите на лучшие народы древности: до чего додумались они сами? Одни — египтяне — отвечали на загадку жизни учением о душепереселении, земным бессмертием, хотели обезсмертить себя постройкой величайших пирамид. Другие — греки — признают жизнь для жизни, для удовольствий, наслаждений, для искусства. Третьи — римляне — кладут в основу жизни развитие своего железного могущества и воли, славу, но, захватив и поработив мир, они не завоевали неба и остались, как первые и вторые, с неудовлетворенными желаниями и стремлениями. Вместе с другими неизвестными народами исчезли и эти народы, потому что у них не было истинной, осмысленной загадки жизни — корня жизни. Жизнь так и осталась для них загадочным сфинксом. Языческое человечество — это жалкий, обреченный на земное скитание, вечный жид — Агасфер. Возьмите, наконец, современных рационалистов нашего XIX века, разных

пантеистов, дарвинистов, беспочвенных альтруистов, социалистов, экономических материалистов, — разрешают ли они удовлетворительно этот вопрос? Считая человека продуктом природы, а его нравственность продуктом экономического обеспечения, отрицая духовность и свободу воли в человеке, порабощая свободную личность человека обществу и цивилизации, мечтая о прогрессе, равноправности и обеспеченности, не обрекают ли они человека на земное неудовлетворяющее счастье, на безконечное искание без цели обретения, не заставляют ли они человека копошиться только на земле, не поднимая глаза к небу? Как бы высоки и гуманны не были стремления человека, он, подобно ученому гетевскому Фаусту, не найдет себе ни в чем на земле удовлетворения: ни наука, ни искусство, ни политика, ни всеобщее материальное обеспечение и равенство не заполнят всего человека; и человек, подобно тому же неутомонному доктору Фаусту, не может на чем-нибудь остановиться и успокоиться, отделаться от заключенного в нем самом Мефистофеля. Самообольщенному и ученому, пытающемуся своим умом определить смысл жизни и осчастливить человечество, можно сказать то же, что сказал Ангел Уриил Ездre. «Ты и того, — говорил он, — что твое и с тобою от юности не можешь познать. Как же сосуд твой мог бы вместить в себе путь Всевышнего и в этом же, заметно растленном веке, понять растление, которое очевидно в глазах моих? Ибо как земля дана лесу, а море волнам его, так обитающие на земле могут разуметь только то, что на земле, а оби-

тающие на небесах могут разуметь, что на высоте небес» (3-я кн. Ездры, гл. 4).

На помощь слабому человеку в решении этого вопроса идет Божественное Откровение. Оно разъясняет раздвоенность человека его историей, его безсознательное недовольство земными благами — стремлением к Богу и небу. Библия повествует о бывшем когда-то единении человека с Богом, о райском блаженстве человека. Нарушителем этого союза и блаженства был сам человек, пожелавший быть «яко бози». Тройственная похоть человека: похоть плоти, похоть очей и гордость (1 Ин. 2, 16) — породила грех; а грех породил смерть (Иак. 1, 14-15). Нарушение единства с Богом совпадало с нарушением единства у человека в самом себе, — благая воля человеческая уклонилась ко злу. Отсюда и раздвоенность человеческого существа. «Если бы не было падения, не было бы и разделения» (Св. Григорий Богослов).

Искра божества, оставшаяся в человеке, напоминает ему о потерянном блаженстве и побуждает снова искать его везде и всячески, «начаток духа имуще мы сами себе воздыхаем» (Рим. 8, 23). Плач души человеческой о потерянном блаженстве, смутное, как сновидение, воспоминание о нем, у церковных писателей сравнивается с сетованием и блужданием невесты, ищущей своего жениха, которому она изменила. Эта невеста, смутно-неясно припоминая прежнее свое блаженство в чертогах жениха, попав на мрачную и душную землю, с мучением и тоской ищет потерянное: днем спрашивает солнце, а

ночью луну и звезды, каждые сутки обходя с одним вопросом: не видали ли где того, кого ищет душа моя? (Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Вып. 1 и 2, Москва, 1891 г., стр. 168-169).

**И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилаcь она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
(М. Ю. Лермонтов)**

И вот после долгих тысячелетних поисков блуждающей невесты, после всех ее безуспешных трудов и вопрошений, вдруг раздался по всей вселенной эхом разнесенный, кроткий, любящий, всех призывающий глас: «приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). «Потерянное вами царство приблизилось. Покайтесь и веруйте в Евангелие, и где нахожусь, там и вы будете... Аз путь истина и живот...» (Мф. 4, 17; гл. 7; Ин. 14, 3 и 6). Этот глас исходит от Самого искомого и необретаемого жениха — Христа: Он сжалился над заблудшею невестой Своей, — Сам пришел разыскать погибшую, уврачевать раны болящей и указать ей путь в потерянный светлый чертог жениха.

«Главная цель Спасителява домостроения во плоти состояла, — скажем словами св. Василия Великого, — в том, чтобы привести человеческое естество в единение с самим собою и Спасителем, и, истрёбив лукавое сечение, восстановить первобытное

единство, подобно тому, как наилучший врач целительными лекарствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части» (Творения Василия Великого, т. V, стр. 423). Итак, единение с Богом пришествием Христа, Его страданиями и крестною смертью восстановлено. Загадка жизни разрешена: человеку указана высочайшая цель — единение с Богом, указан и путь к Боговмещению — путь Богоуподобления, самосовершенствования. В любви к Богу, святой праведной жизни — все счастье и блаженство человека (Ин. 3, 36; 17, 3; Мф. 19, 17; Мрк. 10, 19; 16, 16 и др.). Не вне — не в земных благах, а внутри самого человека, в его чистой совести, в победе духа над плотью, по указанию Спасителя, нужно искать несравнимое с земными сокровищами — царствие Божие. «Царство Мое, — говорил Спаситель, — не от мира сего (Ин. 18, 36) ... се бо царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). «Лествица царства небесного, — говорит один подвижник, — внутри тебя сокровена в душе твоей. Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную, потому что та и другая одно и то же, и входя в одну, видишь обе» (Св. Исаак Сирин, сл. 2). «Постарайся, — говорит и русский подвижник Паисий Величковский, — обрести Иисуса Христа в сердце твоём: ибо кроме сердца нашего нигде в ином месте найти Его не можно. Сказал некто из святых: *если в твоём доме сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, то в таком случае с тобою точно так, как бы оно и не бывало*» (Житие Паисия Величковского, стр. 272). Это постижение царства Божия дается

человеку с большим трудом — «царство небесное нудится», путь к нему скорбный, тернистый (Мф. 11, 12). Распятый на Голгофе требует терпеливого крестоношения и от всех Своих последователей: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет (Мф. 16, 24)».

«Жизнь и смерть предложил я тебе, — говорит пророк Моисей народу еврейскому, передавая ему закон Синайский, — избери жизнь, дабы жил ты» (Второз. 30, 19). Предлагает и Христос Спаситель всем выбирать жизнь или смерть, любовь к Нему или к миру, ибо любовь к миру вражда на Бога и Он любит любящих Его (Притч. 8, 17), жить духом или пресмыкаться и умереть плотью. «Аще по плоти живете, имате умерети, аще ли духом деяния плотские умершвляете, живи будете» (Рим. 8, 13). «Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24). Вслед за Христом шли, по Его слову и примеру жили и Апостолы. «Облекаются Апостолы в крестное всеоружие и предают тела свои на раны» (стих. Октоих). «Кто отлучит нас от любви Божией, — восклицает один из них, — скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?... ничто нас не может отлучить от любви Божией» (Рим. 8, 35). За Апостолами прошел за Христом сонм мучеников. «Святые мученики препобеждают великую скорбь и болезнь телесную, так что человеческая природа изнемогает пред глубиною их страданий, возмущаемая чудесностью одного только зрелища» (Св. Исаак Сирин, сл. 91). Ни пытки, ни терзания, ни костры не могли заставить

их отречься от имени Христа, — с радостью принимая мучения за имя Его, умирая с именем сладчайшего Иисуса, они как и Апостолы жили для Христа и умирали для Него. Прошло время мучеников: в IV веке христианская религия объявлена дозволенной и господствующей в Римской Империи; не стало мучителей, но не стало вместе с тем и венцов мученических. В это время на смену мученичества и явилось подвижничество. Сонм мучеников сменился сонмом преподобных, мучения и казни, служившие горнилом очищения для душ, уневестившихся Христу, заменились пустынею, скорбями и самоозлоблением подвижников. «Есть люди, — говорит преп. Иоанн Колов, — которые не только презирают временное и суетное, но и не щадят своей жизни, изволяя, по слову Евангелия, положить ради Христа свою возлюбленную душу. Они любят смерть за Христа более всех наслаждений и прелестей. Но как ныне нет гонителей и возжеланная смерть не обретается скоро, то они стараются понести ее иным образом, устанавливая продолжительное и насильственное умерщвление самих себя. Они ежедневно претерпевают тысячи болезней, постясь, подвизаясь многообразно...» (Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты, т. 1, стр. 519). Подвижничество было продолжением мученичества, — новый вид христианского самоотречения и крестоношения. Распиная себе мир девством и нестяжанием, подвижники послушанием и крестоношением стараются распять и себя миру (Гал. 6, 14) и таким образом получить венец мученический. «Что такое крест? — спрашивает св. Исаак Сирин и отвечает: — Крест

есть воля, готовая на всякую скорбь. Путь Божий есть ежедневный крест» (сл. 35). «Поистине — это сверхъестественный и пречудный подвиг — мученичество», — говорит преп. Иоанн Лествичник о подвижничестве (Лествица, 4, сл. 5), называя его духовным исповедничеством (сл. 4, 5). «Послушание, — говорит другой подвижник, — безкровное мученичество, где вместо членов отсекается своя воля, вместо излияния крови извергаются греховные помыслы и пожелания» (Св. Феодор Студит, гл. 145).

Что такое монашество? Монашество есть добровольный, трудный подвиг, скрепленный обетом нестяжания, девства и послушания, сознательно (Лк. 14, 28) избираемый с целью Богоуподобления. Путем уединения (монах — от греч. *monos*, один только), путем вообще особой (инок — иной) жизни и подвигов, путем молитвы и упражнения (греч. *askeo* — искусно обрабатываю, упражняюсь — отсюда аскет) посвятивший себя Богу и старается постичь царство небесное. Монах, по определению св. Феодора Студита (Добротолюбие, т. 4, гл. 258), есть тот, кто на единого взирает Бога, единого Бога желает, Богу единому прилежит, Богу единому угодить старается, мир имеет к Богу, и мира между другими виновником бывает. «Монашество есть с отрешением от всего непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только и есть Бог да он, исчезающий в Боге» (Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни, стр. 16-17).

Удаление от мира, уединенная жизнь в пустыне, келье, монастырях и скитах вызываются невозможностью в мирской жизни, с ее соблазнами и развлечениями, отдаться нерассеянно и безраздельно подвигу. Вода в небольшом потоке тогда только может принести пользу, например земледельцу, если она течет все время и вся по одному руслу, если же она разделяется на потоки, то в каждом из них мало будет воды, и поток бесполезен. И в миру, чтобы обсудить что-либо, обдумать, требуется уединение. Освобождая человека от искушения слуха, языка и взора (Св. Антоний Великий), уединение дает ему нужную самосообразность и самопознание, обращая внимание его на самого себя. «Ум, не простираемый чувствами на мир, к себе возвращается» (Св. Василий Великий). В миру, как в мутной воде, трудно видеть себя, а в уединении, особенно в пустыне, как в устоявшейся прозрачной и светлой воде, как в зеркале, видит человек свое лицо и свои недостатки (Древний Патерик, стр. 35).

Авва Марк сказал авве Арсению: «Для чего ты бегаешь от нас?» — Старец отвечал ему: «Бог видит, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом и с людьми. На небе тысячи и мириады имеют одну волю, а у человеков воли различны. Нельзя же мне оставить Бога и быть с людьми» (Достопамятные сказания, стр. 17). Опасность остаться в миру ни теплым, ни холодным и таким образом быть изблевану (Апок. 3, 15-16), если прямо не холодным, — желание сосредоточиться в Боге, предаться Ему

всецело заставляет подвижников вести жизнь уединенную.

**И Ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыне скройся ты, дабы огонь лампы,
Тебе поверенной, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б где светильники свои возжечь....
(Майков)**

Самое монашеское подвижничество (аскетизм) проявляется в большом неустанном трудничестве, безответном послушании, терпеливом перенесении всякого рода скорбей и искушений, удручении, изнурении и умерщвлении разными способами плоти, чрезмерном посте, молитве, лишении, самоозлоблении и т.п. Аскетизм не цель сама по себе, а средство к самоотречению и совершенствованию духа и соединению с Христом. Он имеет целью путем подавления плоти — дать простор духу, путем заглушения воплей животности — дать человеку услышать голос совести, путем погашения страстей — возгреть в нем добродетели, путем укрощения в нем инстинктов зверя — проявить и прояснить образ Божий, путем перенесения произвольных скорбей — научить переносить и непроизвольные. Одним словом, аскетизм имеет целью помочь подвижнику совлечься ветхого человека с его страстями и похотями, чтобы облечься в нового. «Когда внешний наш человек тлеет, то внутренний обновляется» (2 Кор. 4, 16); плоть сильна немощью духа и живет его смертью, и дух усиливается на счет плотского начала, — возвы-

шается и растет его стеснением и умерщвлением (Гал. 5, 17).

«Авва Даниил говорил, что по той мере, как тучнеет тело, истощается душа, и напротив — по мере истощения тела укрепляется душа» (Достопамятные сказания, стр. 78).

Монах «учится умерщвлять не тело, а страсти». «Нищета, скорбь, теснота и пост — вот работные орудия монашеской жизни, венец ее — смиренномудрие» (Достопамятные сказания, стр. 183, 60, 220). «Монах есть понуждение естества всегдашнее и неослабное хранение чувств» (Иоанн Лествичник, сл. 1, стр. 4) и «знамение монаха, по словам аввы Пимена (Достопамятные сказания, стр. 230), в искушениях познавается». *«Если хочешь иметь дела иноческие, — говорит Варсануфий Великий (отв. 203), — то возненавидь совершенно (свое я и мир), чтобы совершенно приблизиться (к Богу). Возмущайся (одним) усыновлением, чтобы получить (другое) усыновление. Перестань исполнять желания и исполни желание. Уязвляй сам себя и врачуй себя сам. Умертви себя, и оживи себя. Забудь самого себя и познай самого себя».* Итак, аскетизм, имея основу для себя в Евангелии, со всеми его проявлениями вытекает из природы духа человеческого: дух освобождается из цепей плоти заключением именно этого самого приставника, т.е. плоти, в оковы, ее порабощением и умерщвлением.

Единое по существу — монашество в своем внешнем устройстве проявилось в разных видах. «Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом

уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним, или много с двумя, или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии» (Леств., сл. 1, 26).

Отшельничество в том состоит, чтобы вдали, в пустыне одному подвизаться; учредителем этого образа жизни монашеской был Антоний Великий (последние годы III века). Безмолвствование с одним или двумя, называемое средним царским путем, состоит в сожитии с одним или двумя сподвижниками. У человека всегда есть потребность в сообществе сподвижника: «Я пожелал, — говорит про себя Василий Великий (Древние иноческие уставы, стр. 216), — найти какого-либо брата, избравшего этот род жизни, чтобы вместе с ним переплыть скоро преходящую волну сей (монашеской) жизни». Основателем безмолвнического жительства, скитского монашества считается св. Макарий Великий (IV век). Общежительное монашество в том состоит, что целое общество подвижников работает Христу под руководством общего наставника — настоятеля обители, повинуюсь друг другу, нося тяготы друг друга и имея все нужное к телесной потребе общим. Учредителем общежительного монашества был преп. Пахомий Великий (IV век). Но кроме этих чинов есть еще особый вид монашеского устройства — четвертый, или, строго говоря, тот же вид общежительного и скитского монашества, но усовершенствованный практикой, с полным и строгим применением обета послушания к избранному старцу. Это особое устройство — есть старчество.

«Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная, таинственная или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая — совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку подвижник возрастает до возраста Христова — приходит в мужа совершенна, в меру возраста Христова (Ефес. 4, 13) — (Ник. Стиф., 3-я 100, гл. 41, Добротолюбие, т. 5). Если теперь мы возьмем подвижника начинающего — новоначального, то, спрашивается, какое из указанных устроений для него лучше?

Каждое, христианское ли то или не христианское, учреждение должно оправдывать себя. Меркой при его оценке служат: а) цель, которой служит это учреждение, а затем б) степень постижения при его посредстве этой цели. Чем выше цель — идеал, которому служит известное учреждение, с одной стороны, и чем лучше, сравнительно с другими сродными ему учреждениями, оно отвечает этой цели, с другой стороны, тем ценнее и превосходнее это учреждение. Все указанные виды монашеского устроения имеют одну и высшую цель — постижение царства Божия, все они зиждутся на Евангельском и Апостольском учении, во всех них были подвижники, угодившие Богу, просиявшие святостью и духовными дарованиями. Цель у них одна, и с этой точки зрения разницы между ними нет. Но если мы посмотрим на указанные монашеские устроения со стороны удобоприменимости их к силам человека и сравним их, то найдем, что по учению святых отцов-аскетов лучшим для новоначального является стар-

чество. Первое — уединенное пустынножительство — сразу неудобно для новонаначального, во-первых, потому, что оно исключает духовного руководителя, столь необходимого, как увидим, для духовной жизни; а во-вторых, потому, что означенная жизнь для новонаначального, не претерпевшего скорбей и не очистившегося от страстей, преждевременна. Пустынное жительство св. отцы уподобляют Христову распятию на кресте, а жительство в сообществе с другими — страстям Христовым и говорят (Варсануфий Великий, отв. 342): «Как прежде креста Владыка наш Иисус Христос претерпел многие досаждения и поношения и после сего уже взошел на крест, так точно и никто не может достигнуть упокоения святого и совершенного, если прежде не спостраждет Христу и не претерпит всех страданий Его, вспоминая слова Апостола: *аще с Ним страждем, с Ним и прославимся*» (Рим. 8, 17). Не советуют св. отцы немощному, страстному, новонаначальному иноку вступать и в общежительное монашество. Но общего жития советуют избегать не потому, что оно не полезно — это полезнейшее монашеское устройство, и св. Василий Великий мало находил слов достаточно восхвалить высоту и величество подобного жития, он же показал и все преимущества монашеского общежития, (простр. правило 7), где подвижникам удобнее исполнять заповеди, например заповедь о любви к ближнему, лучше можно узнавать свои достоинства и недостатки («во множестве братий лучше узнается душевное устройство и состояние». — Авва Дорофей, поуч. 16, стр. 198; 4-е изд., М., 1894 г.),

более и более преуспевать в первых («как кони на бегу ретятся опередить друг друга: так и в добром братстве один другого возбуждает». — Леств., сл. 1, 26-й, 208) и исправляться во вторых, обмениваться взаимно дарованиями и услугами и т.п. Но при всем этом, общежитие требует великого терпения и известной уже доли совершенства, чего нельзя еще ожидать от новонаначального: в общежитии, кроме настоятеля, нужно всей братии и самым последним повиноваться, терпеть от всех досаду, безчестие, вменяя себя ни во что, — все это не по силам немощному, и терпение, которое сразу и изобильно здесь требуется от него, должно быть предварительно и постепенно еще в нем воспитано. Кроме того, в общежитии можно быть или совсем без руководителя, так как настоятель монастырский, имея под руководством множество братии и совмещая в себе кроме пастырских обязанностей и другие, например хозяйственные, иногда не может быть руководителем, или можно иметь много руководителей.

Похваляют св. отцы, сравнительно с вышеуказанными видами монашеского устройства, третий вид — путь средний, царский — сподвижничество с двумя или тремя («блази два паче единаго» — Еклез. 4, 10) как не требующее великого терпения, чудное и отраднейшее, но и это устройство не предполагает непременно, как и общежительное, одного, постоянного и опытного духовного руководителя. И полное применение духовного руководства мы находим лишь в последнем, четвертом виде монашеского устройства — в старческом устройении. Старчество

предполагает одного, постоянного, духовного, опытного руководителя — старца, который окормляет ученика, из ученика, как бы из какого-либо материала, своим руководством делает сосуд, вмещающий Бога, возвращает и возводит послушника к Богу. По полному применению духовного руководства и по своему ясному, скорому и лучшему ответу на цель монашеского аскетизма старческое устройство — лучшее из всех видов, удобнее для немощного новоначального; старческое окормление является для ученика тем игом благим и бременем легким, которые дают покой.

Рассмотрим сначала: нужно ли и насколько нужно руководство в духовной жизни, а затем перейдем и к самому старческому устройению.

Г Л А В А 2

Необходимость руководства в духовной жизни.
Избрание духовного руководителя и предание ему себя.

Слушай вас, Мене слушает (Лк. 10, 16).

*Прельстишася возложившие упование на самих себе
и возомнившии не обретати нужды
в руководителе (Лествица, сл. 1, поуч. 7-е).*

Нужен ли руководитель в духовной жизни для ревнующего о своем спасении новонаначального подвижника? В самом деле, не может ли начинающий сам, один идти по пути совершенства без руководителя, руководствуясь лишь словом Божиим и Евангельскими указаниями? Ведь в слове Божиим указан образ совершенства, указан и путь к нему; к тому же, в истории подвижничества христианского есть примеры такого рода, что подвижники, твердо решившиеся идти по Христоподрожательному пути, сами, без видимых руководителей и лишь под водительством Бога, успевали: так, например, Павел Фивейский, Антоний Великий, Мария Египетская и дру-

гие. Правда, что образ совершенства и путь к нему (исполнение заповедей и советов) указаны Христом в Евангелии, но не нужно забывать, что человек остается всегда человеком: искреннее, хотя бы огнепальное, желание не может сразу его изменить, он так немощен, своеволен и слеп, что нуждается в посторонней и постоянной поддержке, одобрении, понуждении, подробных указаниях пути и т.п. И на пример успешных одиноких подвижников нельзя ссылаться. «Если неким из досточтимых отцов, — говорят преподобные Каллист и Игнатий, — случилось и без подвига послушания улучшить Боготворное безмолвие и по Богу совершено, то это бывает по особенному Божию откровению и притом очень редко. А что редко, как негде написано, то не закон Церкви, как и одна ласточка не делает весны» (Добротолюбие, т. 5, гл. 15). Эти люди «чудесно, по смотрению Божию, нарочно были позваны к таковому (уединенному) житию, которое совершенным и безстрастным единым приличествует и Ангельской крепости требует» (Паисий Величковский, стр. 222-223). Эти люди — сильные избранники Божии, у которых слово тождественно с делом: твердое намерение — исполнение, покаяние — спасение, — составляют исключение. Может ли это исключение служить непреложным правилом для новонаначального? Считает ли он, страстный и немошный, себя столь сильным, как эти избранники Божии? Если же он ждет для себя чудесного, то тем только искушает Бога. И св. отцы, опытные аскеты, учат о необходимости духовного руководителя, о необходимости предвари-

тельной христианской педагогики для новонаначального инока.

Да это так и естественно: всякий человек не есть что-либо сразу данное, нет — он лишь имеет зародыш своего будущего «я», и телесно и духовно он вначале младенец и должен пройти известные возрасты по телу и по духу, чтобы прийти в меру возраста Христова, в мужа совершенна. «Монашеское житие — искусство из искусств и наука из наук» (Добротолюбие, т. 5, стр. 261) и требует, как всякое искусство, ремесло и наука, первоначального обучения у знатоков и мастеров. «Как желающему изучить язык какого-нибудь народа недостаточно быть самому себе наставником, но он учится у людей, сведущих в оном, и таким образом достигает того, что говорит так же, как иностранец: так, я думаю, и жизнь сию, так как она идет не путем естественным, но отступает от одного, по необыкновенности образа жизни, не иначе кто может в совершенстве изучить, как под руководством кого-либо опытного в ней... Ибо не так прост этот образ жизни, чтобы по нужде можно было доверять собственному суждению, что для нас полезно; решимость на опыт в вещах неизвестных не безопасна... И врачебной науке душ — любомудрию — есть нам полная возможность научиться от того, кто долговременным и продолжительным опытом стяжал навык к ней. Юность большей частью и во всяком деле — ненадежный советник и нелегко найти человека, который бы хорошо исполнил какое-либо достойное занятие, если не призывалась им для участия в совете старость. Чем

выше всех прочих занятий предположена у нас цель, тем более мы должны соблюдать осторожности: здесь нерассудительность касается самой души и угрожает опасностью потерпеть такого рода ущерб, который состоит не в потере каких-нибудь благ, но в гибели самого себя, и во вреде собственной душе... Итак, прежде всего должно заботиться о том, чтобы найти себе руководителя на сем пути и хорошего наставника, дабы по своей неопытности не пойти по каким-нибудь новым непроходимым и уклоняющимся от истинного пути дорогам» (Св. Григорий Нисский, т. 7, стр. 384-387; Добротолюбие, т. 1, стр. 614). Путь вопрошения других оправдан уже многими примерами. «Как я могу разуместь, если никто не наставит меня?» — вопрошает вельможа диакона ап. Филиппа (Деян. 8, 31); призванный апостол Павел посылается для научения к Анании (Деян. 9, 6) и после успешной проповеди советует апостолами: «да не вотще, говорит, теку или теко» (Деян. 2, 2). И св. отцы, подвижники, даже величайшие из них, каковы Антоний Великий, Макарий Египетский, Пахомий Великий, Илларион, Савва и другие, предварительно расспрашивали о путях, советовались и покорялись другим наставникам. Они, как выразился св. Афанасий Великий об Антонии Великом, как мудрые пчелы собирали себе духовный мед у других подвижников, слагая его в свое сердце, как в улей. «И спрашивать у других св. Антоний считал столь спасительным делом, что и потом сам — учитель всех, он обращался с вопросами к какому-либо преуспевавшему ученику своему. Так, ког-

да он получил от императора Констанция приглашение прибыть в Константинополь, спросил ученика своего Павла Препростого: идти ему или нет? И после того как Павел сказал ему: если пойдешь, будешь Антоний, а если нет — будешь авва Антоний, он остался (Добротолюбие, т. 1, стр. 123).

Необходимость руководителя для новонаначального обуславливается и самою невозможностью его видеть себя в настоящем свете, безпристрастно познать себя и верно совершенствоваться. Дело в том, что подвижнику приходится вести борьбу с самим собою, «не внешнего врага нам надобно бояться: враг наш заключен в нас самих... Воистину человеку надлежит надвое рассечь себя» (Добротолюбие, т. 2-й, стр. 203). Являясь наблюдателем и в то же время предметом наблюдения и заключая в самом себе врага и друга, подвижник новонаначальный не может сам по себе различить, что «наше и что от неприятелей наших», — его самолюбие часто побеждает благую волю, сладость страстей пленяет душу и он, вступив на путь самооправдания и сделок со своею совестью, сам не замечает своего самопрельщения и самообмана. Психология и опыт достоверно свидетельствуют, что посторонним лицам совне яснее видно наше душевное устройство, сторонним наблюдателям присущ объективно-безпристрастный взгляд на нас. Спрашивается: может ли больной человек, каким является и должен сознавать себя новонаначальный, может ли больной быть в одно и то же время врачом себе? Может ли он точно определить болезнь свою и, если может, что сомнительно, — может ли

он безпристрастно прописать себе едкие, горькие лекарства, если того требует болезнь? Нет. По свидетельству опыта и безпристрастное, вполне верное определение нашей болезни, и целительные лекарства даются лицами посторонними, врачами-специалистами. Ведь завзятые и известные медики и то сами не лечат своих болезней, а обращаются за рецептами против них к своим коллегам. «Всего труднее, — говорит св. Василий Великий, — знать и врачевать себя самого, потому что людям прирождено самолюбие, и каждый по пристрастию к самому себе превращает истинный суд. Но удобнее может познавать и врачевать нас другой, потому что судящего о других страсть самолюбия не затрудняет в истинном распознавании» (Подвиж. уст., т. 5, стр. 451). И кстати добавим, настоящим судиею нашим может быть бесконечная доброта, а после нее — возрожденный грешник или святой, человек, прошедший испытания, мудрец. Это потому, что душа судит о душе по своему сродству с нею, через голос, через слова, через молчание, через поступки, через взгляды. Доброта знает толк в доброте, прямодушие — в прямодушии, благородство — в благородстве и т. п. И истинно знаешь цену только тому, что потерял, о чем сожалеешь.

Нужен руководитель и для всех подвигов аскетизма, для упражнения в скорбях, лишениях и искушениях, необходимых для дела духовного самосовершенствования; немощный новоначальный не может один справиться с произвольными искушениями и налагать на себя произвольные. Неискушенный

новоначальный подобен в данном случае необузданному дикому коню, которого нужно еще обучать. «Конь, пока с дикими животными пасется в лесах, непокорен бывает людям. А когда он пойман, тогда для укрощения его налагают на него тяжелую узду, пока не научится ходить чинно и прямо. Потом опытный седок упражняет его, чтобы сделать способным к брани. Надевает на него вооружения, разумею нагрудник и забрала, а прежнюю узду вешают и приводят в сотрясение пред глазами его, чтобы он привык и не пугался. Так обучаемый он привыкает к брани и едва почует и услышит бранный звук, сам с готовностью идет на врагов со скаканием и ржанием» (Иов. 39, 25. Макарий Великий, гл. 2, 23 б.). Кроме того, в деле совершенствования, в деле приобретения добродетелей более, кажется, чем где-либо, должна быть постепенность, ровная и внимательная «неотдышная» борьба. Опыт показал, что новоначальный, часто ревностный вначале, скоро ослабевает от чрезмерного трудничества или его недостаточности. Сегодня он побеждает страсти, а завтра, по слабости или нерадению, он допускает страстям пленить его ум и подчиняется им; сегодня он умеренно побуждает природу свою к добродетели, а завтра он переходит, положим, даже пределы умеренного делания; но и в ослаблении подвига, и в чрезмерном подвиге — зло: добродетель не в излишестве, а в умеренности заключается («Только умеренному деланию цены нет» — св. Исаак Сирин, сл. 150). И св. отцы аскеты похваляют такую жизнь подвижников, которая течет подобно малому, но по-

стоянно текущему ручейку, никогда не иссыхавшему, говаривал один из русских старцев (Амвросий Оптинский; см. жизнеописание архим. Григория Борисоглебского. Душеполезное чтение, 1892 г.). «Подобно тому, как лист сначала всегда бывает зелен, цветущ и красив, потом постепенно засыхает, падает и наконец им пренебрегают и попирают его, так, — говорит авва Дорофей (поуч. 5), — и человек, никем не управляемый, сначала всегда имеет усердие к подвигам, потом усердие это мало-помалу охладевает, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, (подобно листу) нечувствительно иссыхает и падает». Нужен опять, значит, отец-руководитель как регулятор подвижничества. Наконец и особенно необходим духовный руководитель на второй степени совершенства подвижника, при переходе от деятельной жизни к созерцательной. По очищении страстей дух парит ввысь и в своем воздушном полете он легко может попасть во власть князя воздушного, в сети врага нашего спасения, может впасть в так называемую «прелесть», застрять в ней и даже погибнуть; и, конечно, чем выше подъем, тем опаснее падение. «Один легко побеждается врагом, который приседит при путях Божественных, и горе единому, егда падет, потому что не имеет человека, который бы поставил бы его на ноги» (Св. Григорий Нисский, т. 7, стр. 387). Св. Иоанн Кассиан, например, рассказывает о старце Ироне, который пятьдесят лет провел в посте, трудах, бдениях и молитве, удивляя всех строгостию подвигов, но после, когда он возомнил

остаться один со своим разумом и волею, принял сатану за ангела и по его наущению бросился в пустой колодезь в надежде, что ангелы возьмут на руках своих его, и разбился так, что на третий день по его извлечении из колодезя скончался (Собес. 2-е, гл. 5). Св. Кассиан же упоминает еще об одном муже, как принимал он откровения от беса, свет в келье видел и научен был принести в жертву сына, что, впрочем, не случилось; двое ревнителей подвижничества устремились в пустыню с надеждою, что Господь пропитает их, но из них один без пищи погиб, а другой едва спасся от голода, приняв пищу от дикарей. Случаев прелести вообще можно встретить в жизнеописании подвижников много, например в прологе на 9 января и др. Оградить от козней дьявола и прелести, направить правильный полет ввысь может только духовный руководитель. Посему-то всеми отцами решительно и заповедуется не приступать к созерцательной жизни без знающих, прошедших этот путь руководителей. «Если видишь юного, по своей воле восходящего на небо, то удержи его, ибо польза ему будет от сего (от удержания)» (Св. Ефрем Сирин, сл. 35; Иоанн Колов — Варсануфий Великий, отв. 701).

«Итак, мы хотим выйти из Египта и бежать от Фараона, то и мы имеем необходимость, нужду в некоем ходатае Моисее, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу» (Леств., ст. 1, гл. 7). Стоя за духовное руководство другого, св. отцы рисуют всю пагубность одиночного самочинного жительствова. Так, приведя место из притчей

Соломона: «имже несть управления, падают, якоже листвия, спасение же есть во мнозе совете» (Притч. 11, 14), авва Дорофей спрашивает: чему в данном месте учит Святое Писание? Оно увещевает нас, говорит он, не полагаться на самих себя, не считать себя разумными, не верить тому, что можем сами управлять собою, ибо мы имеем нужду в помощи, нуждаемся в наставляющих нас по Бозе. Нет несчастнее и ближе к гибели людей, не имеющих наставника в пути Божиим. Спасение есть во мнозе совете. Ибо мы, когда держимся своей воли и следуем оправданиям нашим, тогда, делая, по-видимому, доброе дело, мы сами себе расставляем сети и даже не знаем, как погибнем... Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того падает человек или от того, а я, как уже сказал, не знаю другого падения человека, кроме сего, когда человек последует самому себе. Нет ничего опаснее, нет иного губительнее сего» (Авва Дорофей, поуч. 5; стр. 80, 81, 85)*. «И кто исчислит все падения, которые случаются с теми, кои не хотят прибегнуть к руководительству мужей, угождающих Богу?» (Св. Григорий Нисский,

* — Настоячивость нигде не числится среди добродетелей, а скорее составляет недостаток, даже и в людях великих. По басне Крылова и орлу, устрояющему гнездо на высочайшем дереве, следовало бы послушать крота, когда последний уверял его, что дерево это имеет гнилые корни. Орел, отвергнув благой совет существа, по обыкновенному мнению, слепотствующего, подвергнул бедствию птенцов своих, когда восстала буря, и исторгла это дерево, писал оптинский старец Амвросий (Сборник писем и статей оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия, ч. 1, Москва, 1894 г.).

т. 7, стр. 388). «Возможно ли о том, кто живет иначе, т.е. без руководителя, самоугодливо и самовольно думать, что он живет Божественною жизнью, — спрашивают преподобные Каллист и Игнатий. — Никак отнюдь». И преп. Иоанн Лествичник говорит (сл. 26 и 237): «Как идущий без проводника легко сбивается с пути и заблуждается, так самочинно проходящий монашескую жизнь легко погибает, хотя бы он знал всю мудрость мирскую» (Добротолубие, т. 5, гл. 14). Священномученик Петр Дамаскин, прочитав книги Писания и многих отцов, осматривая всех людей всех веков, бесконечно различных по возрасту, положению и званию, и размышляя об их участи, делит их на два разряда: на спасаемых и погибающих — и задается вопросом, что за причина сему, и какое начало нашему спасению или гибели? «После долгих трудов и сокрушений нашел я, — говорит он, — вот какое у св. отцов рассуждение: *начало всякого блага и всякого зла есть данный человеку разум, и по разуму — воля. Начало спасения: да оставит человек своя хотения и разумения и сотворит Божия хотения и разумения.* Прежде закона, в законе и во благодати много обретается спасенных потому, что они предпочли разум Божий и волю Его паче своих разумений и хотений; и опять во все те времена много обретается погибших, поелику своя хотения и разумения предпочли паче Божиих. Волю же Божию (в частных случаях) узнать иначе нельзя, как чрез рассуждение, и рассуждение не свое, а утвержденное вопрошением имеющих дар рассуждения и опытных. Только сим образом узнаем, как хочет Бог, чтоб мы проходили делания. Если же

не так, не можем спастись никак. Без сего даже и то, что мы почитаем благим, не бывает на добро, — или потому, что неблаговременно, или потому, что не нужно» (Творения св. Петра Дамаскина, кн. 1, стр. 5, Москва, 1894 г.). Итак, св. отцы, рассматривающе немощь новоначальных, побеждаемых страстями, сиречь гневом, яростию, тщеславием, завистью, мнением и прочим (ведь «пустыня усыпляет страсти, — по Исааку Сирину (сл. 55), — но не искореняет их»), и многоразличные прелести вражии самоличному желанию последующии, запрещают пустынное житие («не советуют ниже след безмолвия видеть» (Леств., ст. 1)), приводя свидетельство от писания: горе единому, аще впадет в уныние, или сон, или разленение, или отчаяние, несть воздвизай его в человецех (Паисий Величковск., стр. 222-223). И желающий идти по пути совершенства, но обходящий наставления и указания других опытных, по самонадеянности и самоволию, не противоречит ли тем самым с первого шага себе, своей цели? Не есть ли эта самонадеянность та же гордость, самоотверженно сокрушить которую в себе собирается новоначальный подвижник? Преп. Варсануфий Великий (отв. 61) прямо, решительно говорит: «Кто хочет совершенно узнать путь, но не идет с знающим его совершенно, тот никогда не достигнет града небесного». «Бог чрез Божественное Писание и отцов указал нам путь спасения, сказав: вопроси отца твоего и возвестит тебе, старцы твоя и рекут тебе» (Втор. 32, 7). Приводя те же слова Второзакония, св. Иоанн Кассиан говорит: «Очевидно, Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых к

оному духовными отцами» (Добротолубие, т. 2, гл. 10, стр. 152).

Одного или многих лучше иметь руководителей? Св. отцы подвижники советуют иметь одного постоянного руководителя духовного. «Не всех вопрошать надо, но одного того, которому и других управление вверено... Ибо не всем принадлежит руководить и других... Мирствующим с тобою да будут мнози: советницы же твои един от тысяч» (Сир. 6, 6 — св. Григорий Синаит; Добротолубие. 5, гл. 7). Один постоянный духовный руководитель лучше может и знать вопрошающего и лучше помогать. Русская народная пословица: у семи нянек дитя без глаза — имеет за себя основания.

Духовное руководство в христианской церкви является не в одном виде. Самый обширный и повсеместный вид пастырства — пастырство церковное: епископы и священники с одной стороны и миряне с другой. Второй и третий вид пастырства осуществляется в монашеской жизни — это настоятельство монастырское и отчество, или старчество. И здесь Божиим изволением возлагается на одних руководителей ответственность за души вверяемой им братии, а другие отдают себя духовному руководству (руководить — взять за руки и вести ко спасению). Второе правило второ-первого Константинопольского собора гласит о руководстве, как существенной потребности монашества: «отнюдь никого не сподобляти монашеского образа без присутствования при сем лица, долженствующего прияти его себе в послушание и имети над ним начальство и восприяти попечение о душевном его состоянии».

Как и где найти духовного руководителя? Всякому ли безразлично может предаться ищущий совершенства и не имеющий руководителя? Очевидно, нет. «У добрых учителей, — говорит Василий Великий, — и уроки добрые, а у злых, конечно, злые. Если поручишь себя мужу, украшенному многими доблестями, то соделаешься наследником благ, какие в нем» (Твор., т. 5, стр. 50)., и «обращение со святыми я признаю всего более полезным» (т. 6, пос. 8). Живой пример неотразимо действует на людей, отсюда: живя с добродетельным и совершенным, мы сами, незаметно для себя, усваиваем свойства сожителя. На вопрос ученика: что мне делать, отче, для того, чтобы бояться Бога? — один опытный старец, Паисий, отвечал: «Иди, живи с человеком, боящимся Бога, и тем самым, что он боится Бога, научит и тебя бояться Бога» (Авва Дорофей, поуч. 4).

«Сближайся с праведными, — говорит преп. Исаак (сл. 57), — и через них приблизишься к Богу. Обращайся с имеющими смирение — и научишься их нравам. Ибо если воззрение на таковых полезно, то кольми паче учение уст их?». «Идущий по следам святости, может приобщиться сей святости... Как от одной горящей лампы пламя передается и всем прочим светильникам, которые прикасаются к ней (и, несмотря на то, первый свет не уменьшается, хотя чрез сообщение в равной мере уделяется и заимствующим свой свет от него), так и святость сей жизни преемственно распространяется от преуспевшего в оной на приближающихся к нему, ибо истинно пророческое слово, что обращающийся с препод-

добным, неповинным и избранным и сам делается таковым» (Творения св. Григория Нисского, т. 8, стр. 389; Пс. 17, 26, 27). И святые отцы-аскеты советуют с тщанием, осмотрительно избирать наставника.

«Слепец слепца аще водит, оба в яму впадут; довлеет бо ученику, да будет яко учитель его» (Мф. 15, 14; 10, 25). «Многие из старцев, — говорит св. Иоанн Кассиан, — вместо пользы — вред, вместо утешения отчаяние причиняют вопрошающим, и сие оправдывается примером» (Собес. 2-е, гл. 10). *«Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству; но кто вошел в безстрастие и приял дар рассуждения»,* — говорит много потерпевший вреда от неопытных старцев св. Петр Дамаскин.

«Не всякому человеку открывай свои помыслы, — говорит св. Ефрем Сирин, — а только тем, о коих дознаешь, что они духовны» (Добротолюбие, т. 2, стр. 473). «Не всякий, подающий совет, достоин доверенности, но только тот, кто прежде сам хорошо управил свободу свою» (Св. Исаак Сирин, сл. 78). «При выборе старца не на того обращай внимание, кто преклонных лет уже, — говорит авва Исайя, — но кто убелен ведением и опытностию духовной, чтобы не получил ты вреда и не размножились страсти твои» (Добротолюбие, т. 1, стр. 463).

Итак, «прежде вступления нашего на сей путь (путь жизни подруководственной), мы должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо безстрастного — на человека, обладаемого

страстями, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой гибели» (Леств., сл. 4, поуч. 6). В предупреждение ошибок при выборе старца св. отцы указывают на добродетели и признаки, коими должен обладать хороший руководитель. Лествичник в слове к пастырю называет наставника врачом, учителем, книгу, в сердце написанную, имеющим и не от человека наученным, безстрастным, в Боге живущим и пр. «Правомыслие и опытность наставника можно распознать, — говорит св. Антоний Великий, — из того, согласно ли его слово с словом Божиим» (Добротолюбие, т. 1, стр. 125). Св. Григорий Нисский признаками опытного мужа поставляет: *любомудрие, безстрастие и одушевленную деятельность в добродетели* (т. 7, стр. 389); Василий Великий — *непогрешительность, знание Св. Писания, безстрастие, любовь и под.* (т. 5, стр. 45) «Не всех, — говорит св. Григорий Синаит (Добротолюбие, т. 5, стр. 224), — вопрошать надо, но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнью блистает, будучи беден, многих богатит, по Писанию (2 Кор. 6, 10), кто имеет Божественное рассуждение (1 Кор. 12, 10), именно, рассуждение духовом, отличающее лучшее от худшего мечом слова... Не мал же труд найти руководителя незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях». Не мал труд найти, добавим речь Синаита, такого совершенного руководителя потому, что таких совершенных подвижников мало, а не потому, чтобы трудно было их отличить и выделить из среды других. Когда корень свят, тогда и ветви святы, — внутреннее совершенство проявляется невольно вне, любвеобильная и со-

вершенная душа видимою становится для других. «Чья душа, — говорит св. Антоний Великий (Добротолюбие, т. 1, наст. 20, стр. 66), — действительно умна и добродетельна, — это обнаруживается во взоре, поступи, голосе, улыбке, разговорах и обращении. В ней все изменилось и приняло благообразный вид». «Возделыватель худых помышлений, — говорит преп. Никита Стифат (Добротолюбие, т. 5, 1, гл. 33), — мрачным и печальным делает вид лица своего; — *возделыватель же благих и бессмертных произрастаний в сердце радующееся и улыбающееся имеет лицо. Отсюда для всех, видящих добре, явно есть и бывает, кто находится еще в рабстве нечистых страстей и кто освободился от такого рабства законом Духа*». Можно сказать, что не одним видящим добре, но и зле видящим, по противоположности, виден сразу человек, свободный от страстей: они бессознательно чувствуют в нем врага и ненавидят его, как свет, показывающий невольню и обличающий их тьму, не могшую стать светом. Так фарисеи ненавидели Христа и гнали Его за то именно, что Он, как свет Сам по себе, Своею жизнью невольню обнаруживал их темные дела, был для них живою совестью.

Человек печать своего внутреннего «я», печать своей индивидуальности полагает решительно на всем: опытный взгляд, как известно, по почерку даже только пера верно судит о характере писавшего. Если заурядных людей можем и на мелочах распознавать, то тем более можем отличить людей необыкновенных, выделяющихся из толпы: они создают около себя какую-то особенную атмосферу, и до-

статочно приблизиться к ним, взглянуть на них, чтобы видеть это отличающее их. «Как драгоценное миро, — говорит св. Феодор Едесский (Добротолубие, т. 3, гл. 88), — хотя заключено бывает в сосуды, но, намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет приятным ощущением: так и благоухание добродетельной и боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем, видящим сие, показывает внутрь сокрытую добродетель». «Как носящего ароматы обнаруживает благовонный запах и против воли его, так и имеющий в себе Духа Господня познается по своим словам и по смирению» (Лествица, сл. 26, поуч. 215). Итак, довольно верно можно определить совершенного старца и по внешности с первого взгляда. Иоанн Лествичник так описывает старцев, которых он видел в Египте (Лествица, сл. 4, поуч. 21): «Видел я украшенных белизною ангеловидною, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упрямудренной, произвольной и богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное: один по наружности, другой по сердечному расположению, так простой не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцев была не безрассудная и несмысленная по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они были всегда кротки, приветливы, веселы; и слова, и нравы их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим, и на бесов и на страсти

взирали твердым и строгим оком ума». Совершенных и опытных старцев, таким образом, отличать нетрудно, но при выборе мы должны руководиться еще и своей душевной пользой, т.е. критерием выбора должна служить наша болезнь, если только мы сколько-нибудь познали себя. «Если ты пришел, — говорит тот же Иоанн Лествичник, — к неизвестному врачу и в неведомую лечебницу, то будь в ней как бы мимоходом; а между тем тайно рассматривай жизнь и духовную опытность живущих там. Когда же от сил духовных художников и служителей почувствуешь пользу в твоих недугах, а особенно если найдешь между ними то, что и должно искать, т.е. врачевство против душевной надменности, тогда уже и приступи к ним... и раздери пред ними, раздери хартию твоей воли» (Лествица, сл. 4, поуч. 94).

«По качеству страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избрать. Если ты неводержен и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец и который готов всех принимать и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Нужно искать руководителей, приличных нашим недугам» (Лествица, сл. 4, поуч. 120). Нужно сказать, что св. отцы указывают на идеальные черты старцев, советуют из совершенных выбирать по сердцу своему старца, но таких руководителей мало. Как же быть, если нет подобного совершенного наставника? Св. отцы вот что говорят на

этот счет: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя безстрастного и святого» (Преп. Симеон Новый Богослов, т. 5, гл. 33). «Если ты пребываешь в общежитии, помолись усердно Богу, чтобы Он показал тебе человека, который мог бы хорошо упасти тебя; ибо лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно и обирать бесполезные плоды своей воли» (Преп. Симеон Новый Богослов; 12 слов в русском переводе, сл. 7, Москва, 1869 г.). Важно при искании искреннее желание узнать волю Божию, молитва Богу и полное доверие к тому, что услышим, как к выражению воли Божией, а руководитель всегда найдется.

«С великою заботливостью и внимательностью ищи руководителя, и если, по благодати Божией, найдешь, а поискав, непременно найдешь...» (Василий Великий, т. 5, стр. 51). «Если кто хочет истинно, — говорит авва Дорофей, — всем сердцем исполнять волю Божию, то Бог никогда его не оставит, но всячески наставит по воле Своей. Поистине, если кто направит сердце свое по воле Божией, то Бог просветит и малое дитя сказать ему волю Свою.

Если же кто не хочет искренно творить волю Божию, то, хотя он и к пророку пойдет, и пророку положит Бог на сердце отвечать ему сообразно с его развращенным сердцем, по Писанию: и пророк еще прельстится и речет слово, Аз Господь прельстих пророка того» (Иезек. 14, 19. Поуч. 5). «И то дивно, — говорит преосв. Феофан (Путь ко спасению, изд. 6-е, стр. 259), — что ищущему искренно всегда подается истинный руководитель. И руководитель, кто бы он ни был, всегда дает точное и верное ру-

ководство, как скоро руководимый предается ему всей душою и верою; — Сам Господь уже блюдет такого преданника... Молись, и Господь укажет руководителя; предайся руководителю, и Господь научит его, как руководить тебя».

«Свой своего найдет», — говаривал оптинский старец о. Леонид, выражая тем, что искренно и от всей души ищущего спасения Бог приведет к истинному наставнику; а кто при желании спасения допускает в себе и человеческие расчеты, двоедушничает, не верит, сомневается и самооправдывается, тот к такому наставнику и советнику и попадет (Жизнеописание, стр. 66). Магнит притягивает только сродное ему железо и сталь. «Ибо не неправеден Бог и не попустит, чтобы прельстились те души, которые с верой и незлобием смиренно покорили себя совету и суду ближнего» (Лествица, сл. 26, поуч. 110). «Господь достойного руководителя известит принять тебя, нести твои немощи. За два года Господь сказал мне, что ты прийдешь сюда», — говорит великий старец ученику Иоанну (Преп. Варсануфий Великий, отв. 1). Вера никогда и нигде не посрамит. Ищи руководителя и найдешь, если совершенного наставника не найдешь, то, по воле Божией, и недостойный тебя окормит: Господь научит его дать потребное сердцу твоему, а без духовного руководителя обойтись нельзя. Для мирских людей таковым руководителем Богоизбранным являются пастыри-священники, а для монашествующих — настоятели или старцы. «Вознамерившийся повиноваться Христу, не бросай себя, подобно негодному сосуду... но,

(так или иначе) найдя наставника, предай себя совершенно упраздненным, ни во что вменив и отринув всякую свою волю, чтоб оказаться тебе подобным чистому сосуду и, что вложено в тебе доброго, хранить к своей похвале и славе» (Творения св. Василия Великого, т. 5, стр. 50). «Предайся с таким расположением, — говорит Василий Великий, — с каким младенец, томимый голодом, повинуется кормилице, зовущей к принятию пищи; или с каким расположением человек, желающий сохранить жизнь при опасности, повинуется тому, кто подает ему средства к спасению (Кратк. прав. отв. 166). Ибо Богу не то, что по принуждению, но что по добродетели исправляется, любезно есть. Добродетель же от произволения, а не от нужды бывает». «Сложи бремя свое на рамена другого и переплывешь сию великую пучину, будучи поддерживаем руками других» (Лествица, сл. 4, поуч. 5). «Привяжи обремененную ладью твою к кораблю отцев твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, разум, венец и веселие...» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 258).

Кто есть не во Христе, так тот против Христа;
Не может тот спастись, не знает он креста...
Кто б ни был ты таков, но помни, человек,
Не будешь друг Христов — и не спасешься ввек.
Когда последовать Спасителю не станешь,
Рассудком собственным всегда себя обманешь.
А ты, коль хочешь быть Христов, — с того начни:
Всю волю умертви и плоть свою распни...

(Георгий затворник Задонский)

Г Л А В А 3

Сущность старчества, завет между старцем и учеником. Старец и его служение, любовь по отношению к ученику, руководство, соответствующее природе и душевному строению ученика, и окормление. Постепенное искоренение страстей и постепенное насаждение добродетелей путем: а) познания своих немощей; б) самоукорения; в) благодарного перенесения скорбных искушений. Награда старца. Примеры старческого влияния и окормления.

Мудрые старцы — тук для братии, умащающий и укрепляющий душу (Св. Ефрем Сирин).

В чем заключается старчество? — Сущность старческого устройства заключается в том, что из среды подвигающейся братии, в скиту или общежитии, избирается один, опытный в духовно-аскетической жизни и заведомо благочестивый инок руководителем, духовным отцом, старцем. Добровольные ученики идут во всякое время к избранному старцу, раскрывают пред ним всю свою душу, открывают помыслы, поступки и желания, спрашивают советов и по его благословению решительно все делают. Ду-

ховные чада отказываются от своей воли, мыслей и разумений, все это передают старцу-руководителю, безусловно, безпрекословно, без размышления повинувшись ему. Особенность старческого устройства, сравнительно с другими видами монашеского жительства, как мы уже сказали, заключается именно в строгом и полном применении обета послушания по отношению к руководителю старцу. «Даждь кровь и приими дух», «оставь свои хотения и разумения, чтобы сотворить Божеския хотения и разумения» — вот духовное знамя старческого устройства. Старец становится для учеников умом, совестью и сердцем, чрез которое кровь естественным образом распределяется, движется и обращается. Старец — это твердый дуб, около которого возрастают обвивающиеся круг него слабые растения, в одиночку погибающие от бурь и ветра.

Старец — это кормчий корабля. «Жизнь человеческая — море, по которому мы, как в корабль какой, в тело сие вошедши, мысленно плывем и плывем непрестанно: день и ночь, в непогоду и бурю — и море это бедственно, и не только бедственно, но и длинно, соразмерно с длинностью нашей жизни, и в нем столько страшных бурных волнений вздымается духами злобы, столько пиратов — демонов нападает, потопить нас покушаясь, что и сказать нельзя (Пс. 58, 15, 16). Но держать в руках кормило и бодренно вести корабль среди подводных камней, отмелей и бурь, и иметь постоянно очи обращенными на небо, присматриваться к звездам правды и по ним направлять плавание, доставить корабль

безопасно в пристанище спасения — в том дело и служение стоящего у кормила руководителя» (Св. Феодор Студит; Добротолюбие, т. 4, гл. 308 и 36).

Сущность и вся сила старческого руководства — старчества — заключается в завете между старцем и учеником, по которому пред лицом Бога духовный отец — старец берет на себя дело руководства души ученика ко спасению, а ученик безбоязненно всего себя, с душою и телом, предает наставнику. «Если соблюдешь мою заповедь, паче же Божью, исповедаю, что отвечаю за тебя в день оный, в который Бог имеет судить тайная человеков» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 58), — говорит старец. «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение» (Лествица, сл. 4, 23), — говорил послушник Исидор своему старцу.

Полнейшее предание себя, отречение от своей воли, мыслей и желаний, полная невменяемость, омертвелость (Леств., сл. 4, 3) — вот главное требование от ученика, желающего жить под старческим окормлением. Принятие, очищение и совершенствование души ученика, решительное уверение в ее спасении, ответ за нее пред судом Божиим — вот обязанности старца. Таковы главные условия завета между учеником и старцем. На почве христианской самоотверженной любви он только и возможен. Отречение от своей воли ради воли Божией (Мф. 16, 24) не есть ли выражение самоотверженной любви к Богу со стороны ученика, как и материнский уход, спосрадание ученику и нравственная ответственность за него пред Богом: «аще в чесом обиде, или должен

есть, мне сие вмени» (Филим. 1, 18), не есть ли выражение той же самоотверженной любви со стороны старца? Не скрепляется этот духовный завет и союз никакими письменными документами, но крепко запечатлевается на скрижалях сердца; невидимый для людей, он так очевиден ученику и старцу, что они, как по писанному, видят и чувствуют малейшее нарушение его и уклонение от него, читая то в сердце своем. Как крепок и неразрывен этот союз, можно судить по следующим двум примерам. Преп. Феодор Студит пишет: «Один старец наложил запрещение на ученика за неисполнение повеления и, не успев дать разрешения, умер. Ученик после его смерти ищет разрешения от наложенного на него запрещения, но к кому он ни обращался, никто не осмеливался исполнить его просьбы и отсылал его к большему; наконец ученик обратился к Константинопольскому патриарху Герману со своею просьбою, но ни патриарх, ни собор архиепископов не могли разрешить епитимию старца, о котором неизвестно даже, имел ли он сан священства» (Феодор Студит, оглас. поуч. 33).

Другой пример. В прологе 15 октября повествуется: «Один сирийский послушник нарушил послушание, возложенное на него старцем, и, презрев запрещение, ушел в Египет. Здесь, в Александрии, после долгих и великих подвигов он исповедал Христа и после истязаний умер мученически. Но когда христиане хоронили его тело, почитая его уже святым, три раза случалось, что на литургии после диаконского возгласа: «оглашенные изыдите», рака с телом

этого мученика, ко всеобщему удивлению, срывалась с места и невидимою силою уносилась на паперть, а по окончании литургии опять сама собою появлялась во храме. Когда же узнали причину этого явления, кроющуюся в том, что страстотерпец нарушил послушание и связан клятвой старца, и пригласили этого старца разрешить своего послушника от запрещения, рака уже не трогалась с места. При великих подвигах мученичества для увенчания подвижника требовалось еще, значит, разрешение старческое».

Спросят: зачем такое полное подчинение послушника старцу, где же свобода нашей воли? Отвечаем: по немощи своей человек не может целиком и сразу предаться Богу, следовать за Христом, — он должен сначала привыкнуть к ограничению самолюбия, своеволия и произвола, постепенно отсекая свою волю самоотверженным исполнением воли людской ради Бога, чтобы взамен своей потом взять Божию волю, — должен сначала воспитать любовь и веру путем сожития с человеком, верующим и любящим Бога, отдать свою волю и душу в душу и волю старца с тем, чтобы он предал их Богу. *«Наша воля, — по словам аввы Пимена (Достопамятные сказания, стр. 239; авва Дорофей, поуч. 5), — есть медная стена между человеком и Богом. Она есть как бы камень, противостоящий, сопротивляющийся и противодействующий воле Божией. И когда только человек оставит свою волю, он может сказать: о Боже моем преиду стену, Бог мой, непорочен путь Его»* (Пс. 17, 30, 31). «Кто хочет исполнять волю свою, тот сын ди-

авола... не прельщайтесь от диавола и не следуйте (внушениям) своей воли, во вред себе, никогда не будет по воле вашей, ибо зло не истребит зла» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 548). Разрушить эту медную стену, оставить свою волю при помощи старца и хочет ученик. Ибо «многими опытами доказано, что монахи никогда не могут потушить в себе пламень гнева, печали, нечистоты, не могут приобрести истинного смирения... если не научатся прежде подчинять свою волю воле наставника» (Св. Иоанн Кассиан, см. ист. монашества вост. П. Казанского, стр. 145).

Итак, подчинение старцу — не отрицание свободной воли человека: как служение делу нравственного совершенствования — следование за Христом, рабство Ему, свободящее от бремени грехов и страстей (Ин. 8, 32 и далее), так и подчинение ради Его, и особенно высокому совершенствованному духу, — есть подчинение лучшим требованиям своего собственного духа. Здесь добровольно предают себя в рабство для того, чтобы на их рукописании написано было право на свободу (Леств. 4, 5). Не стеснение здесь, значит, свободы, а стеснение чисто животного человеческого произвола ради свободы истинных чад Божиих. Не тяжелое рабское чувство ненависти в основании самоотверженного подвижничества, а свободная сыновняя любовь к Отцу — Богу. Ведь нравственная христианская свобода заключается не в своеволии, а в самоограничении, как и политическая — не в анархии, а в управлении.

Что же такое старец? Одного афонского монаха — духовника спросили, отчего в настоящее время мало хороших старцев. — «Оттого, — ответил он, — что теперь мало хороших послушников. Первые образуются из последних» (Жизнеоп. оптинского старца Леонида, прим., стр. 54). И это верно: старец — это инок, прошедший путь послушания, из послушания же ставший старцем — руководителем других. Что служение старца — продолжение послушания, то показывает и самое его избрание: он не сам напрашивается и берет на себя звание старца, но, подобно тому, как в древне-христианской церкви общий голос паствы избирал достойнейшего в епископы и пресвитеры, и старца избирает братия. «Я, кажется, все бы бросил и сидел один в келлии, это так, кажется, и желается: да воля не моя», — говорил один русский старец (Макарий Оптинский. Письма к монахиням, т. 4, стр. 78). Св. Иоанн Кассиан повествует, что в египетских монастырях исключительно настоятельство поручалось инокам, прошедшим опытно послушание (Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты, т. 1, стр. 541).

Самое название *старец* есть точнейший перевод слова *пресвитер* (по греч. *presvis* — старейший, старик), — название, присущее всякому пастырю-священнику. Но не все, однако, старцы были священниками: у преп. Пафнутия Боровского (Жит. 1 мая) в монастыре было до 700 братьев, руководимых старцами, из коих не было ни одного священника. И нужно сказать, что откровение помыслов пред старцами во исполнение апостольского предания: *испо-*

ведайте друг другу согрешения, яко да исцелее (Иак. 5, 16) не есть исповедь, как таинство. Старец не есть духовник, хотя может быть, и часто бывает, и им, а просто опытный, принимающий откровения и дающий советы инок, и лишь тому дающий совет, кто сам к нему обращается.

Становясь старцем, избираемый берет на себя труднейший подвиг — подвиг послушания и великую ответственность за души, вверяемые и вверяющиеся ему; к нему относятся строгие слова Иеговы: «Души их от руки твоея взыщу». Он становится ответственным стражем за повинующихся ему по апостольскому завету: «Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр. 13, 17). «Если ты от Бога получил дар предвидеть бури, то явно предвозвещаешь о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полною доверенностью возложили на тебя управление оного» (Лествица. Сл. к паст., гл. 5). «Если и тот, кто обладает словом на пользу, но не сообщает оного обильно, не останется ненаказанным; то какая, думаешь, возлюбленный, опасность угрожает тем, которые деятельным своим содействием могут помочь злостраждущим, и не помогают? Избавлен ты Богом? — избавляй других. Спасен? — и сам спасай влекомых на смерть. Искуplen? — не скупись на искупление умерщвленных демонами» (Там же, гл. 13). Самое пастырское служение старца, попечение о спасении вверяющихся ему, внешнее управление ими и внутреннее душевное благо-

устройство их должно выражаться (пользуемся словами свт. Феофана Затворника) в следующем: кто ретив, направь как лучше; кто ослаб, возбуди ревность; кто уклонился в сторону, возведи на должный путь; кто горем убивается, утешь и воодушеви; кто берет-ся не за то, что погоже, вразуми; поссорились, примири; обида произошла, рассуди право; бедность угнетает, устрой помощь; не понимают чего, разъясни; страсти кого одолевают, укажи, как справиться с ними. Так всегда — когда словом, когда делом, когда строгостью, когда лаской, когда один, когда со-обща, имея одно в виду, да будут все совершенны и ни в чем же лишены (Иак. 1, 4). Старец знает, что успех его служения зависит от его нравственного совершенства: не столь сильно его слово, как жизнь, и чем нравственно он выше стоит, тем больший успех в своем служении имеет. «Руководство примером дел, — говорит св. Григорий Нисский, — гораздо действительнее, чем наставление словесное: всякое слово, без дел являемое, как бы ни было красноречиво составлено, подобно бездушному изображению, которому краски и цвета придают некоторый вид живости; а кто сотворит и научит («великий наречется в царствии небесном». — Мф. 5, 19), тот есть истинно живой человек, цветущий красотой, действующий и движущийся» (Твор., т. 7, стр. 383). «Пастырь, — по словам святителя Тихона Воронежского, — не столп, стоящий при пути и лишь показывающий дорогу в город и сам недвижно стоящий, а передовой вождь других, отвечающий за других и за них подвергающийся нападениям»

(Твор., т. 3, стр. 357). Старец учит тому, чему сам уже научился: «врачу, исцелился сам»; и «врач — лишь ум, себя уврачевавший и других врачующий тем, чем сам уврачевался» (Доброт., т. 3, гл. 44, блаж. авва Фаласеий 2-я 100). «Великий стыд для наставника, — говорит Иоанн Лествичник, — молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам не стяжал» (Сл. к паст., гл. 3). Он должен «дея, учить», «не предлагать то правилом, что сам не исполнил делом» (Св. Антоний Великий, Доброт., т. 1, стр. 101).

Духовно сливаясь с учениками, старец подавляет в себе самолюбие и возгревает любовь. До чего возгоралась и горела любовь старцев к немощным послушникам, можно судить по следующим примерам. Так, один великий старец (Преп. Варсануфий) ранее всякой просьбы молился об учениках. «Я прежде прошения вашего, — говорил он им, — ради горящей во мне любви Христа, сказавшего: возлюби ближнего твоего, яко сам себе (Мрк. 12, 31), не перестаю день и ночь молиться Богу, чтобы Он сделал вас Богоносными. Я как отец хочу включить детей своих в светлые воинства царские, тогда как они сами не заботятся о сем» (отв. 109). «Я сладце, — говорил он другому, просившему у него ходатайства пред Богом, — сладце полагаю душу мою на смерть за тебя; скажу тебе слово Руфи: да не будет ми разлучатися от тебя, но смерть разлучит между мною и тобою» (Руф. 1, 16. Отв. 57). «Я поболел, — говорит он же скорбящему и смущенному от искушения своему ученику, — поболел сердцем так сильно, как никогда, — особенно вспомнив слова Апостола: кто из-

немогает и не изнемогаю? кто соблазняется и аз не разжизаюся? (2 Кор. 11, 29). И еще: аще страждет един уд, с ним страждут и все уди (1 Кор. 12, 26). Если я и не поступаю по-апостольски, но слышал, что Апостол заповедал радоваться с радующимися и плакать с плачущими» (Рим. 12, 15. Отв. 57).

Обильная и самоотверженная любовь старца, естественно, требует обнаружения и обнаруживается именно в спострадании, сорадовании и помощи всем обращающимся к нему за советом. Все служение старца — проявление его любви. Спасение ближних старцы связывают со своим и готовы ради помощи ближним терпеть укоризны и поношения. — Защищаясь от завистливых нареканий, старец преп. Серафим Саровский говорил: «Положим, что я затворю двери моей келлии. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалию пойдут домой... Какое оправдание я могу тогда принести Богу на страшном Суде Его?» (Житие преп. Серафима, 1884 г., стр. 136).

На запрещение не принимать приходящих за советом мирских посетителей (на старчество смотрели, как на новшество) старец Леонид Оптинский говорит: «Пою Богу моему дондеже есмь (Пс. 145, 2). Что же? берите, судите меня, если на то дана вам власть. Я живу и хожу пред Богом моим, живу для ближних моих, откинув всякое лицемерие и страх мирского суда, я не боюсь никого, кроме Бога. Когда совесть моя мирна, сердце весело играет, как у младенца, когда вся жизнь моя была одним днем

служения моему старцу и детям моим о Христе, то чего мне опасаться?».

«Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь поставьте, я буду тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать не могу от себя. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?» (Жизнеоп. опт. старца Леонида, стр. 64 и 48).

И старец Амвросий пишет в одном письме: «...могу ли я вас оставить, когда я, по недостатку истинного рассуждения, презрел свое — душу и собственное спасение оставил на произвол судьбы, мнясь заботиться о душевной пользе ближних. Не знаю, есть ли кто неразумнее меня? Будучи немощен крайне телом и душою, беруся за дела сильных и здоровых душевно и телесно»...

В другом письме он же пишет: «Правду сказать, что мне не следовало бы учить лучших себя ради не потребности моего духовного; но мне жаль тебя, когда вижу, что враг тебе очень досаждаёт своими злыми кознями; и этой жалостью побеждаюсь и убеждаюсь объяснять тебе такие вещи, которые выше меня»... (Из писем ст. Амвросия. Душеполезное чтение, 1896 г., январь и август, стр. 617). Любовь к немощной братии побуждала и затворников оставлять столь вожаденное для них молитвенное уединение. Один из них, Георгий, находившийся в затворе в Задонском Богородицком монастыре 17 лет († 1837 г.), говорил: «В каком я находился утешении во дни мо-

его уединения! Желал бы все минуты жизни посвятить оному, но жаль оставить вас без посещения. Вы без меня впадете в уныние и сухость души, а потому и убеждаюсь я пожертвовать для беседы с вами хотя малым временем» (Собрание писем Затв. Георгия Григорова, стр. 26). Любовь открывала уста молчальников и двигала перстами их по хартии, заставляя писать. «Я, возлюбленные, — говорит о себе «искушенный в десных и шуиих» св. Исаак Сирин, — поелику вдался в юродство, то не могу сохранить тайну в молчании, но делаюсь несмысленным для пользы братии, потому что такова истинная любовь; она не может содержать что-либо втайне от возлюбленных своих» (сл. 38).

Самоотверженная, чисто материнская любовь* старца заставляет его брать на себя даже непосильное. — Когда один послушник (Авва Дорофей) просил великого старца понести его грехи, старец отвечал: «Ты просишь о деле, превышающем мои силы, но нахожу тебе меру любви; по приверженности к тебе я беру на себя и понесу твое бремя» (отв. 19, Дорофею**); «думая, что имею любовь к Богу — сострадательному и милостивому Владыке — я решаюсь

* — Предсказывая строителю о. Антонию, что он будет настоятелем Лавры (Троице-Сергиевой), старец преп. Серафим Саровский дал ему такое наставление: «Будь матерью, а не отцем к братии», — указывая тем на большую, чем отеческая, самозабывающую, подобно материнской, любовь пастыря (Житие преп. Серафима, стр. 194).

** — Дар прощать грехи — высшее дарование Божие: Христос прежде ученикам Своим дал дарование испелений, изгнания бесов и, наконец уже, как совершенство, — власть отпускать грехи (Ин. 20, 23) Отв. 10, гл. 211.

сказать: беру теперь на себя половину твоего бремени (отв. 163). Если хочешь все возложить на меня, то ради послушания, принимаю сие (отв. 164 ср. и отв. 10); дам ответ за тебя в день Суда (58)». «Бог знает, что ни часа, ни мгновения ока не пройдет без того, чтобы я не имел тебя в памяти и не молился за тебя (отв. 204)»... Наконец, из-за той же любви, в другом месте, подобно Моисею, молившемуся Богу и готовому предать себя за народ свой, этот великий старец говорил: «Помолись обо мне, чтобы я с дерзновением мог изречь: Отче, даждь ми, да идеже буду аз, будут (Ин. 16, 24) и дети мои. Поверь мне, брат, что дух мой усердствует сказать моему Владыке, который радуется о прощении рабов своих: Владыко! или вместе со мною введи и чад моих в царство Свое, или изгладь и меня из книги Твоей» (отв. 110).

И эта только любовь дает силы старцу вести терпеливо ученика по трудному и тернистому пути совершенства и переносить из-за него скорби. Ибо «бывает иной раз, что учитель предается безчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, мы безчестны и немощны: вы же славны и крепки в Христе» (1 Кор. 4, 10; преп. Иоанн Карпаф., 35 увещ. гл., Добротолюбие, т. 3). Своею самоотверженною любовию старец воспитывает к себе любовь послушника, и послушник, когда знает, что около него есть человек, желающий ему блага душевного столько же, сколько он сам себе желает, и даже более его самого, самоотверженно и безкорыстно любящий его, то не-

вольно стремится оправдать это благожелание другого. Помимо желания самого блага и угождения Богу, у него, помимо его воли и сознания, является желание не оскорбить любящего его наставника. Своим светильником — любовью и примером — старец возжигает и раздувает в ученике искру любви к себе и Богу, насаждает и возвращает у послушника зерно веры, на котором растет древо безпрекословного послушания, спасающее и ученика и старца. К воспитанию любви и веры в послушнике и должно быть, собственно, направлено все старческое окормление, и старец тщательно должен охранять любовь и веру в послушнике самоподдержанием и себя на высоте. «Насколько настоятель видит к себе веру, как послушников, так и мирских посетителей, настолько он обязан со всяким опасением блюсти себя во всем, что делает и говорит, зная, что все смотрят на него как на главный образец, и все от него принимают за правило и закон»; чтобы не подорвать веру эту, предстоятель не объявляет свои недостатки (Леств., Сл. к паст., гл. 5 и 2 и гл. 8, 2). Чтобы не отвратить от себя немощных послушников, старец хранит при себе и их откровения. «Если брат придет к тебе и откроет свои помыслы, — смотри, никому их не пересказывай, но молись о себе и о нем, да спасет вас Господь обоих» (Св. Ант. Вел., Добротолюбие, т. 1, стр. 101). «Нигде не видно, чтобы Бог, приняв исповедь, обнаружил грехи кающегося: ибо Он отвратил бы этим грешников от исповеди и недужных сделал бы неисцельными. Итак, хотя бы мы имели дар прозорливости, не должны пре-

дупреждать согрешивших изъяснением их грехов, но побуждать их к исповеданию гадательными выражениями. По исповедании же должны мы удостоивать большего, нежели прежде, попечения и свободнейшего к нам доступа; ибо чрез это они более преуспевают в вере и любви к нам» (Леств., Сл. к наст., гл. 13).

Вообще, невозмутимо стоящий выше житейских дрызг и треволнений старец должен снисходить к немощам послушника, бережливо охранять, как нежный цветочек от сильного и раннего мороза, его неокрепнувшую веру и любовь от соблазнов. «Если иные юны, — говорил преп. Иоанн Лествичник, — или немощны, то необходимо нам поднять и нести их на своих раменах, пока не пройдут эту дверь подлинно узкого входа...» (Сл. к паст., гл. 14). «Вопросил некто авву Пимена: «Если я увижу прегрешение брата моего, то подобает ли мне покрыть его?» Преподобный отвечал: «Если покроем прегрешения брата, и Бог покроет наши прегрешения» (Жит. 27 авг.). Преподобный же Пимен на вопрос старцев: если мы увидим братий, дремлющих во время службы, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бдели, отвечал: «Если я увижу брата дремлющего, то положу голову его на колена мои и упокою его» (Достоп. сказ., стр. 248).

Но снисхождение старца, конечно, должно быть не в ущерб справедливости. И старцу нет нужды прибегать ко лжи и притворству: его искренность и правдивость — всепобеждающая сила. Они обнаруживаются в речах и в обращении: он говорит про-

сто и искренно, не нуждается, как выразился старец Леонид Оптинский, в ученого штиля политике и душевного человечества художественном сообщении... непритворство, нековарство, откровенность души — вот что приятно смиренному сердцем Господу. Аще не будете, яко дети, не внидите в царство Божие. За что он, старец, купил, за то и продает» (Жизнеоп. ст. Леонида, стр. 69).

Пастырская отеческая любовь старца, по которой он берет на себя обязанность окормления других, и его духовная опытность указывают ему и самый путь окормления. «Любовь, — по словам св. Тихона, — сыскивает слова, коими можно созидать ближнего, она представляет и способ, и ум и язык направляет» (Творения, т. 2, стр. 319).

Ясное дело, что старец, как и всякий воспитатель, сообразуется с нравственною природой и развитием послушника. Он прежде всего терпеливо, ласково и внимательно выслушивает всякого обращающегося к нему за советом, определяет недуг и соответственно этому дает потребное каждому. «У него, старца, есть время и смиренномудрию, и власти, и обличению, и утешению, и дерзновению, и снисхождению, и строгости и вообще всякому делу» (Твор. Василия Великого, т. 5, стр. 268). Одному нужно лишь только, чтобы его внимательно выслушали, за неимением сочувствующего слушателя он не знает, кому высказать накипевшее на душе; другому нужен совет, как поступать в известном случае, третьему нужно сострадание и врачевство духовное и т.п., старец всем дает потребное: первого внимательно вы-

слушивает, второму дает совет, третьему приписывает врачество, колеблющегося поддерживает и ободряет, слабохарактерного укрепляет и отчаявшегося утешает, согрешившего приводит к покаянию и исправлению и т.д.

И лекарства он, соответственно болезни, употребляет разные. «Не всем одно бывает нужно: одному нужен остен, другому узда, тому епитимия, этому прощение, третьему обличение и увещание; у всякого своя страсть, свои навыки: с ними надобно согласовать и врачевательные приемы» (Преп. Феодор Студит, 131 г., Добротолюбие, т. 4). «Одним нужно млеко, как младенствующим, а другим — твердая пища. Не всем, приходящим к послушанию, наставник говорит: путь сей узок и тесен (Мф. 7, 14), и не каждому: иго сие благо и бремя легко» (Леств., Сл. к паст. 12 гл. 1 и 7, 2). «Укор крепку, а похвала расслабленному к добрым делам душу соделывает» (Илия Экдик) — и если смиренные подчиняются слову, то возгордившиеся покоряются смирением. «Что иногда бывает, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — врачевством для одного, то для другого отрава, а иногда одно и то же одному и тому же в одно время врачество, в другое — отрава» (сл. 26, поуч. 25). Кроме того, всякая болезнь, всякая страсть, особенно обратившаяся в навык — устаревшая, не поддается скорому лечению и много, кроме опыта, нужно иметь терпения и любви, чтобы искоренить ее. Она поддается лишь настоящему, ровному и терпеливому лечению. И на тернистом пути духовного совершенствования, в деле постепен-

ного и безостановочного возведения духовных чад по лестнице добродетели требуется большая бдительность со стороны старца.

«Человек по грехопадении связан двоякого рода узами: а) делами житейскими, любовью к миру и всему видимому; б) втайне опутана и скована душа его оковами тьмы, связана духами злобы» (Св. Макарий Великий, 21, бес. 2-я). Постепенно разрешить послушника от этих двоякого рода уз и хочет старец. Педагогическими средствами для того, кроме слова и примера, служат особенно произвольные труды и лишения, которые к искушению и укреплению послушника налагаются старцем. О значении всякого рода скорбей, трудов и лишений, которые обнаруживают внутреннее состояние нашего сердца и служат к его созиданию и потому называются вообще искушениями, св. Григорий Палама говорит следующее: «Как растениям необходимо перезябнуть зимою, чтобы плод принести, так искусительные при-скорбности необходимы для плодоносия духовного... Всякий ревнитель совершенства достигает его чрез подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устрояются. Но одни свои произвольные не так благотворны, как находящие совне не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается при-скорбностью искушений непроизвольных. *Произвольные лишения готовят душу к перенесению непроизвольных*, ибо привыкши при первых ни во что ставить неприятности житейские и славу, она легко уже переносит и последние» (Доброт., т. 5,

стр. 295). Своевременным и посильным трудничеством старец и должен окормлять ученика и упражнять тем в добродетели. «Как стебель конопли колотят, чтобы прясть из него самые тонкие нити, и чем долее его колотить, чесать, тем он пригоднее; и как глиняный сосуд проводят чрез огонь, чтобы он был закален и годен к употреблению, так искушения и скорби, к пользе человека, делают душу его благоискусною и твердою» (Св. Макарий Великий, сл. 7, гл. 14). И «как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе, и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он может на всякий час заслуживать перенесением досад, безчестий и унижений, и поруганий» (Лествица, сл. 4, поуч. 27). При том же: «часто кажущиеся мужественными и терпеливыми, будучи оставлены на время, как бы утвердившимися в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения» (Там же). Старческое окормление скорбями, таким образом, требуется неослабное, постоянное. Требуется здесь и известная постепенность.

«Сбивай молоко, и будет масло, если же отнимешь руку, на сосце выйдет кровь (Притч. 30, 33). Если кто хочет согнуть дерево или виноградную лозу на подобие обруча, то сгибает постепенно, и они не переламываются; если же погнет вдруг и сильно, то дерево тотчас ломается (Преп. Варсануфий Великий, отв. 25). Антоний — игумен Малояросл., так, меж-

ду прочим, иносказательно говорил о постепенном искоренении страсти гордости: «Есть трава не мала, не велика, зовут ее павелика; ты ее не гни и не ломай, а только маковки срывай (павелика — величаться, гордиться)».

При окормлении старец сначала упражняет ученика в телесном повиновении и телесных трудах, а потом уже постепенно возводит к духовным и упражняет в них. «Если бы мы, — говорит св. Василий Великий, — находились вне тела, то необходимо было бы стремиться к совершеннейшему одною душою. Но поелику человек двояк, то и упражнение в добродетели должно быть двоякое, состоящее в телесных трудах и душевных подвигах». «В новоначальных, — говорит он же, — внутренний человек сообразен с внешним: но если внешний не благоустроен, не доверяй благоустройению внутреннего человека» (Подвижн. устав, т. 5, гл. 4). «Телесное делание, — говорит и св. Исаак Сирин (сл. 56), — предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного; потому что последнее рождается от первого, как колос от пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовного дарования». «Делами укореняющиеся страсти делами же, противоположными им, и врачуются» (Преп. Никита Стифат; Добротолубие, т. 5, гл. 34, 1-я 100). Самые внешние занятия ученика, как и внешняя обстановка, не безразличны для него. «Сердце внутренне впечатлевается, — говорит св. Исаак Сирин, — по подобию внешних образов» (сл. 56). «Душа, — говорит

и преп. Иоанн Лествичник, — делается подобною телесным занятиям и что делает, от того заимствует образ и с тем соображается. Одному из Ангелов начальство послужило поводом к высокоумию, хотя и не с тем было дано ему. Иные расположения у сидящего на престоле, и иные у сидящего на гноище» (Леств., сл. 25). Таким образом, те или другие занятия и физические упражнения ученика имеют большое влияние на его внутреннюю настроенность. Кроме того, по тесной связи тела с душою известные движения и жесты первого вызывают то или иное соответствующее чувство и при повторении создают известное душевное настроение. Внешне-телесное действие совершаемое по принуждению, обращается при упражнении в делание внутренне-душевное и доброхотное, так например, механическое — внешнее выполнение молитвы при продолжительном и частом молитвенном положении способно вызывать сердечно-молитвенную настроенность; принужденная подача милостыни при повторениях обращается в доброхотную*.

Всеми физическими упражнениями наставник пользуется, направляет их к утверждению доброй настроенности ученика к усмирению источника страстей — тела, к подчинению его своей воле или, что

* — В Четьи-Минеях рассказывается об одном скупом мытаре, который в досаде вместо камня бросил в нищего хлеб, удостоился за это видения и обратился к добродетельной жизни (Св. Петр, 22 сентября). Один мыслитель (Паскаль) говорит: «Начинайте все молебном и святой водой, — все остальное пойдет само собой».

то же, как мы уже сказали, — духовной стороне послушника.

Обыкновенно старцы стараются сильнее сосредоточить внимание ученика на каком-либо одном духовном предмете, например, на мысли о всеприсутствии Божии — по слову псалмопевца: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15, 8), или, например, на памятовании смерти, суда, обетов крещения и т.п.; и тогда каждый предмет из окружающего может возводить ум подвижника к Богу, каждое событие может с положительной или отрицательной стороны напоминать ему о цели его подвига и тем как бы подновлять его рвение и побуждать к подвигу. Так, в житии преп. Памвы рассказывается, что когда преподобный старец увидел разряженную женщину-блудницу и начал плакать и братия спросила его о причине его слез, то старец сказал: «Я плачу, во-первых, о гибели души этой женщины, а затем о том, что я не имею такой заботы о душе своей, каковую она имеет о своем теле» (Четьи-Минеи, 18 июля).

И святитель Тихон Воронежский собирал духовное сокровище от внешнего мира, ибо, по его словам, «...от всякого случая и от всякого видимого создания к невидимым можно рассуждение обращать... и так духовно пользоваться... Ничем так не изъясняется и понятным делается и в памяти углубляется учение, как подобиями тех вещей, которые чувствам нашим подлежат и пред глазами нашими обращаются» (Творения свт. Тихона, т. 2,

стр. 108)*. Начинает старец с искоренения страстей в новона начальном и переходит потом к насаждению добродетелей. Все внимание его должно быть сосредоточено, все окормление устремлено на искоренение корня страстей, главной страсти — самолюбия: «мать страстей — самолюбие» (Авва Фалассий, 2-я 100, Добротолюбие, т. 3, гл. 1), «начало всех страстей — самолюбие, а конец — гордость» (Максим Исповедник, там же, 3-я 100, гл. 57). Убивая этого многоглавого змея — самолюбие, старец прививает в то же время и укрепляет в ученике какую-либо одну добродетель, которая становится краеугольным камнем здания добродетелей. Страсти и добродетели имеют одно общее свойство. Все пороки, все страсти тесно связаны и как бы переплетены между собою: одна страсть вызывает и легко ведет к другой. Подобно, как в цепи: если потянешь одно звено, — и другие звенья, по связи с первым, приходят в движение; и в страстях одна страсть, вошедшая в силу, двигает и ведет за собою все скопище страстей: так тщеславие вызывает любостяжание, скупость и т.п.

Св. отцы (Свв. Ефрем Сирин, Иоанн Лествичник, Иоанн Кассиан, Нил Синайский) различают восемь «начальственных», главных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Эти страсти сводятся к трем: чревоугодию, сребролюбие и тщеславию (Григорий Си-

* — «Христианин, — говорит в последней главе св. гитель, — поминай и ты при случае подобное, что к созиданию души твоей надлежит!» (Сокровище духовное от мира собираемое, т. 4, стр. 381).

наит, гл. 91); и, наконец, к одной главной страсти — самолюбию. «Положим, — говорит Иоанн Лествичник, — что есть двенадцать безчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати» (сл. 23, поуч. 5). Как связаны между собою страсти, так «преемственны» (Св. Исаак Сирин, сл. 78), связаны между собою и добродетели: нельзя понять и приобрести одну добродетель, не касаясь прочих. Одна добродетель, по неразрывности с другими (1 Кор. 12, 26), вызывает эти другие. Точно добродетели и разграничить нельзя, — часто одна и та же добродетель, но называется по различному; но все добродетели, точно как и страсти, сводятся к одной добродетели — самоотверженной любви. «Все добродетели не что иное, как любовь в разных видах» (Блаж. Августин). «Нет ни одной добродетели, содружающей и соединяющей человека с Богом, которая бы не зависела от любви и в ней не сосредоточивалась, неприменительным образом держась на ней и ею сохраняясь» (Феодор епископ Едесский. Цветник Духовный). Любовь и самолюбие — два несовместимых противоположных полюса: *«не будь самолюбив, и будешь Боголюбив, не будь самоугодник, и будешь братолюбив»* (Св. Максим Исповедник).

Вследствие сродства между собою всех добродетелей требуется твердое обоснование на какой-либо добродетели. У каждого подвижника для всхода на небо непременно должен быть свой нравственный посох, на который он мог бы опираться, дол-

жна быть известная добродетель, к которой он мог бы привить и другие*.

Самым употребительным нравственным посохом для духовного восхождения и является у подвижников послушание. Его — это послушание — старец и кладет в основание добродетелей и как фундамент старается прочно поставить — укрепить, сделать непоколебимым. «Во всем ты должен быть терпелив, — советует преп. Иоанн Лествичник, — кроме преслушания повелений твоих» (Лествица, Сл. к паст., гл. 13, 15)... «Лучше изгнать послушника из обители, нежели позволить ему исполнить свою волю» (14, 4).

«Если спрашивать меня, так и слушать; а если не слушать, так и не ходить ко мне», — часто говорил оптинский старец Леонид (Жизнеоп., стр. 72).

Утвердив фундамент — послушание, старец возводит послушника к совершенству по известным законным ступеням. Таких ступеней три, и первая из них — *познание послушником глубокой своей немощи.* Разные виды искушений и скорбей, телесное изнурительное трудничество, но главным образом духовное, — борьба с помыслами и страстями — открывают послушнику глаза на его немощи и бессилие.

* — О преп. Памве (18 июля) рассказывается, что он взял в руководство себе первый стих псалма 38-го: «рех: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком», — и целых девятнадцать лет учился выполнять на деле этот стих, пока не навывк... Преп. Патермуфию по крещении пресвитеры дали для исполнения три стиха псалма 1-го и он сказал: «Довольно мне и того для спасения» (Четьи-Минеи, 9 июля).

И это сознание немощи — начало просвещения его души, шаг к ее (души) выздоровлению: познание немощи заставит сильно искать помощи у сильных, чаще прибегать через старца к всемогуществу Божию. «Блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом доброго успеха. Дознавший свою немощь воздвигает душу свою из расслабления, омрачающего ведение, и запасается осторожностью... сравнив свою немощь с Божией помощью, он познает ее величие» (Св. Исаак Сирин, сл. 61).

Вторая ступень, на которую старается возвести старец ученика, — это *самоукорение*. Оно состоит в том, чтобы послушник всегда, во всем и за все укорял, винил себя и не слагал своей вины на других. «Самоукорение заменяет досады и безчестия и приводит искренно принимающего оное в меру креста о Христе Иисусе Господе нашем» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 108). «Начало спасения — самого себя осуждение» (Преп. Нил Синайский, Добротолюбие, т. 2, стр. 296). «Где тот старец, — говорит авва Дорофей, — который, когда его спросили, что главное из найденного тобою пути сем, отче?, ответил: «То, чтобы во всем укорять себя». Так и авва Пимен сказал: «Без одной добродетели трудно устоять человеку, хотя бы все они вошли в дом его, — без добродетели самоукорения» (Достопамятные сказания, стр. 259). И св. Антоний Великий сказал: «Велико делание — возлагать пред лицом Бога согрешения свои на себя, и до последнего издыхания ожидать искушения. И отцы наши обретали покой

от самоукорения». «И поистине, — продолжает авва Дорофей, — если человек совершит тьмы добродетелей, но не будет держаться пути самоукорения, то никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять, губя этим все труды свои. Укоряющий себя всегда в радости, всегда в спокойствии, считая себя достойным всего неприятного. Все по его желанию» (поуч. 7). Человек несовершенный пытается всегда оправдать себя и в своих проступках хочет винить других, а не себя, и часто действительно оправдывает себя, но это самооправдание и самодовольство опасны, ибо приводят к неподвижной праведности фарисея в лучшем случае. А Богу одна слеза сокрушения дороже подобной мнимой праведности. «Нам надобно, — говорит св. Антоний Великий, — всегда во всем самих себя укорять, делать это искренно; ибо кто сам себя укоряет, того оправдывает и прославляет Бог» (Добротолюбие, т. 1, стр. 137). «Всякий пред всеми за всех и всегда и за все виноват», — это сознание предохраняет подвижника от столь обычного и столь губительного осуждения ближних и самооправдания. Происхождением от одного человека первого Адама и неизреченного любовью второго Адама — Христа — люди тесно связаны между собою, составляют одно целое — тело, у которого если один уд страдает, то должны страдать и все части. Известный настоятель Оптиной пустыни архимандрит Моисей пишет о себе: «Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно сожительства со мною братиев, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, прини-

мать на себя и каяться, как за собственные свои, дабы не осудить их строго и гневом не воспламеняться. Равномерно и им мои погрешности должно принимать на себя, с исповеданием пред Богом. И так да даст Господь разум и силы друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов, любовь и мир. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои»* (Жизнеописание архим. Моисея, М., 1882 г., стр. 33).

Третья ступень при духовном восхождении — *благодарное перенесение скорбных искушений*. Старец раскрывает взгляд ученика на скорби и искушения, как имеющие очистительное и важное значение для преуспевания подвижника, и приучает его к терпеливому и благодарному перенесению скорбей, приготавливая его к тому путем «искуса и обучающего пощужения». «Как больным нужны резания и прижигания, — говорит св. Петр Дамаскин, — для возвращения здоровья, так и нам нужны сокрушения и труды покаяния, чтобы возвратить первозданное здоровье души. И мудрый принимает скорбное, как достойный того, и считает себя заслуживающим больших, нежели те, которые с ним случаются, и радуется, что удостоился немного поскорбеть в нынешнем веке в облегчение многих мучений, которые приготовил себе в будущем» (Творения, кн. 1,

* — У Достоевского юноша (брат старца Зосимы) просит прощения у птичек, считая себя пред ними согрешившим, и говорит, плача от радости, матери: «Матушка, радость моя, я ведь от веселья, а не от горя это плачу; мне ведь самому хочется пред ними виноватым быть, растолковать только тебе не могу, ибо не знаю, как их и любить. Пусть я грешен пред всеми, зато и меня все простят, вот и рай...» (Братья Карамазовы, стр. 454).

стр. 22, Москва, 1874 г.). «В нас, — говорит свт. Феофан Затворник, — кроется зло всякое вследствие падения. От этого зла надо очистить сердце. Но чтобы очистить, надо его увидеть; чтобы увидеть, надобно, чтобы оно вышло из своей скрытности. Вот это и делают искушения от плоти, мира и диавола. Они вызывают наружу скрытое в нас зло: как худосочие выходит наружу сыпью, так скрытое в нас зло выходит наружу худыми мыслями, чувствами, и позывами, и порывами... Как сыпь не загоняют внутрь, а очищают — тогда внутренние соки очищаются, так и в душе, когда худое обнаруживающееся в мыслях, чувствах и позовах, не скрывают внутри, а отсекают, тогда душевная чистота утверждается внутри...» (Душеполезное чтение, октябрь, 1896 г., стр. 302).

«Пойди, молись Богу, чтобы пришло к тебе искушение и то сокрушение и смирение, которые имел ты прежде, ибо посредством искушений душа усовершеншается», — говорил один старец пришедшему к нему Иоанну Колову на его слова, что он по молитве к Богу избавлен от страстей и приобрел спокойствие (Достопамятные сказания, стр. 124).

Трудно, таким образом, служение старческое, и много нужно старцу самоотверженной любви в деле окормления, чтобы говорить, подобно Апостолу: «бых Иудеем яко Иудей, да Иудеи приобрящу... всем бых вся, да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 20, 22), и чтобы «радоваться с радующимися и плакать с плачущими» (Рим. 12, 15). Но, принимая на себя столь трудную и великую ответственность, старец в ней же самой берет и свою великую награду. Служение спа-

сению душ — главнейшее христианское служение, «врачевание человека лучше всех деланий и добродетелей» (Твор. св. Петра Дамаскина, кн. 1, стр. 152). «Для всякого одаренного силою дыхания, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — это великая награда от Бога, не приобретаемая никаким другим деянием и созерцанием смертных и бессмертных. Как бы содейственником безплотных и умных сил оказывается тот, кто дарованною ему от Бога чистотою очищает скверны других, и из укоризненного приносит неукоризненный дар Богу. Ибо сие одно составляет всегдашнее занятие Божественных священнослужителей. Все, иже окрест Его, принесут дары, то есть души» (Пс. 75, 12), (Сл. к пастырю, гл. 13). Это служение — высшее проявление любви христианской: «никто не может более Христа любить, как тот, который спасения ближнего ищет» (Свт. Тихон Воронежский, Твор., т. 2, стр. 319). «Больше сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). И в этой самой любви награда: старец, как невестоводитель душ, подобно Предтече, становится другом Жениха, а друг Женихов великую радость находит в слушании голоса Жениха, и эта радость исполнится! Спасение и награда старца связывается с участью учеников. «Сколь великую радость испытываю я, — говорит св. Феодор Студит ученикам, — когда помышляю о спасении всех вас и о великом за то мздовоздании, столько же великим страхом и трепетом объемлюсь, представляя, какой ответ предлежит мне дать о каждом из вас. Помогите же мне, чада мои, и, несмотря на худость и

слепоту руководителя, спаситесь, чтобы вместе с собою спасти и меня, бедного» (Добротолюбие, т. 4, гл. 66). «Много раз, — говорит писатель жития преп. Паисия Величковского, — отец наш говорил нам: когда я вижу чад моих духовных подвижающимися и нудящимися хранить заповеди Божии и отсекающими волю свою, и не верующими своему разсуждению, и со страхом Божиим ходящих, и со смирением святое послушание проходящих, то такую неизреченную духовную радость в душе моей имею, что даже в царстве небесном не желал бы иметь большей радости» (стр. 55, изд. 3-е).

Любовь, как и всякое чувство, чем чаще прилагается и проявляется, тем более разгорается, как и в мире физическом, например, сила магнита сохраняется увеличивается от его непрерывного действия. О святителе Тихоне писал его келейник: «...что в который день приходящих бедных более бывало у него, и когда раздаст вечер он веселее и радостнее был; а в который день мало или никого не было, в тот день он прискорбен был» (Зап. Чеботарева, стр. 14). Уча других, старец и сам в то же время учится; черпая воду для других из благодатного кладезя, он притягивает ее обильно и в свой колодезь; возжигая чужие светильники своим факелом, он не умаляет свой свет, а, напротив, более разжигает его, получая от Господа иногда дар прозорливости и чудотворений. Спасая других, наставник получает то, ради чего и живет: сам спасается и слушающие его (1 Тим. 4, 16). «Видел я, — рассказывал незадолго пред кончиной свое сновидение свт. Тихон, — среди мона-

стыря необычайно высокую лестницу, которой верх скрывался в облаках; ее окружало множество народа. Вдруг подводят меня к этой лестнице и велят восходить по ней; и я, сколько не отговаривался от сего слабостью сил моих, должен был повиноваться требованию. За мною последовал и народ, и подсаживал меня все выше и выше, так что я и не чувствовал никакой усталости. Наконец, когда я подходил к самым облакам, проснулся...» Следующий за святителем народ и помогающий восходить ему по лестнице в царство небесное и есть именно, как и подтвердил сам святитель, избранные Божии, слушающие наставления святителя и им последующие» (Краткое описание жития свт. Тихона, стр. 66).

Какого совершенства достигали, каким светом обладали старцы, как изменялись люди, обращающиеся к ним и даже только раз взглянувшие на них, об этом можно судить по следующим примерам. Так, о Макарии Египетском современники говорят: *«Это Бог земной, потому что как Бог покрывает мир своим покрывалом и отпускает людям грехи, так Макарий своею любовью покрывает грехи и падения своих братьев»* (Достопамятные сказания, стр. 179; Ц. Ист. Сократа, кн. 4, гл. 23). *Как медный змей в пустыне,* — говорит авва Пимен о Нистере Великом, — *исцелял всякого, кто посмотрит на него, таков был и сей старец: он имел всякую добродетель и молча врачевал всех»* (Древний Патерик, поуч. 18).

«Если бы я, — говорил авва Агафон, — нашел прокаженного и мог отдать ему свое тело, а его взять се-

бе, охотно бы сделал это; ибо такова совершенная любовь» (Там же, стр. 40).

Об Антонии Великом пишет св. Афанасий Великий: «Бог дал св. Антонию слово сильное, проходящее до глубин сердечных. Он умел с такою силою говорить на пользу каждому, что многие из людей знатных, военных, гражданских, богатых и бедных, оставив все, пожелали идти его путем. Да и кто, приходя к нему печальным, не возвращался веселым? Кто, приходя гневным, не переменял гнева на кротость? Кто не умерял скорби сиротства при виде его? Какой монах, утомленный подвигами, не получал бодрости от его наставлений? Какой юноша, увидев св. Антония и послушав его, не отрекался от утех и не начинал любить целомудрие? Сколько дев, имеющих уже женихов, издали только повидав его, перешли в чин невест Христовых? Когда скончался Антоний, как будто все осиротели, лишились отца (Добротолюбие, т. 1, стр. 15; Ист. монашества П. Казанского, стр. 82).

Приведем подобные примеры и из жизни Русского старчества. О Паисии Величковском пишут: «Когда какой-либо брат, скорбя, войдет в келлию старца, то последний, уже уразумев, что с ним, предвзяв его, начинал беседу непрерывную и сладчайшими и утешительными своими словами отводил ум его от скорби; смущение и скорбь подобно дыму исчезали, и брат, благодаря Бога, с радостию, взяв благословение, удалялся. Разумнейшему старец приводил глагол высокий, с простейшим говорил просто. Сладкоречие его невыразимо: всякий день мы гото-

вы были неотступно пред ним стоять, чтобы насладиться светлого его лицезрения и сладких словес. И всегда у него до девятого часа двери не затворялись, одни за телесными нуждами приходили, другие — за душевными; и с одним он плакал, утешая его, с другим — радовался, как будто не имел никогда никакой скорби. Как дитя незлобиво был душевным устройением старец, и воистину безстрастен и свят муж. Не скорбя о вещественном, он скорбел лишь о нарушителе заповеди Божией» (Житие, стр. 54-55).

В житии другого известного российского подвижника, любимого народом, — преп. Серафима Саровского († 1 января 1833 г.) пишется: «Всего более усладительна была его беседа... Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного собеседования, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали мир и тишину... Особенным свойством обхождения старца и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему: бедняк ли в рубище или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии не находилась его совесть — он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей. Никого не поражал он жестокими укорениями и строгими выговорами; ни на кого

не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же, сила слова, осоленного благодатию, непременно производила свое действие... для всех довольно было живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него в келлии бывало около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время беседовать на пользу души, открывая часто самые сокровенные помыслы. Все ощущали его благоприветливую истинно-родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце...

Имя Серафима обносилось всюду, как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века как будто воскрес древний подвижник пустынь Фиваидских или пещер Киевских. И знатные, и простые, и богатые, и нищие — все стекались к порогу его келлии, падали ниц пред согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искреннюю любовь и благодарностью каждое его слово, согретое благодатию. И долго, долго бу-

дут разноситься по всему пространству обширной России слова старца, сказанные в тесной келлии...

Он был именем и духом Серафим;

.....

Земного мира гость, святой и незабвенный

Одной любовью равно ко всем горел:

Богач, бедняк, счастливец и униженный —

Равно один привет у старца всяк имел.

Несчастные к нему стекались толпой:

Он был для сердца их отрадный утешитель,

Советом мудрым он — безмездною цельбой —

Всех к Богу приводил — святой руководитель.

От подвигов устав, преклоншись на колени,

С молитвой на устах, быв смертным, умер он.

Но что же смерть его? вид смертной только сени,

Или, как говорят, спокойный, тихий сон...*

А вот картины из жизни оптинского старчества. «Келлия старца, — пишут об оптинском старце Леониде, — от раннего утра до поздней ночи наполненная приходившими к нему за духовной помощью, представляла картину, достойную кисти художника. Старец в белой одежде, в короткой мантии, был виден из-за круга учеников своих, которые стояли перед ним на коленях и лица их были одушевлены разными выражениями чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором и не помыслил бы не проходивший послушания; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не

* — Житие св. Серафима Саровского, изд. 3-е, 1884 г., стр. 93, 95, 96, 265 и 241.

может одолеть помыслов, от которых желал бы идти на конец света; на другом выражалась хладнокровная улыбка неверия ко всему видимому: он пришел, наряду с другими, явиться только к старцу и уйти неисцеленным; но и он, страшась пронизательного его взгляда и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением. Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там немощный, отринутый всем миром, болезненный юноша не отходил от колен о. Леонида, как от долицы ее питомец. Между прочим видна была седая голова воина, служившего некогда в отечественной брани, и теперь ополчившегося, под начальством такого искусного вождя, против врагов невидимых. Здесь белелись и власы старца, который, признавая свое неискусство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником» (Иеромонах Макарий Иванов). Таким-то разнообразным обществом был окружен старец и вождь духовный. В этой чудной келлии можно было видеть зрелища столь же поучительные, как и все события, напоминавшие лучшее время христианства. «Собрание смиренных, яко собрание Серафимов», — сказал св. Исаак Сирин...

Ради духовных советов начали приходить к дверям его келлии из городов и селений разного рода люди: дворяне, купцы, мещане и простой народ обо-его пола. Все были принимаемы старцем с сердобольным отеческим расположением и любовью, и никто из приходящих не выходил из келлии, не быв

утешен им духовно. Раскрывшие пред ним свои душевные недуги и раны отходили утешенными и исцеленными; а одержимые телесными болезнями, и даже бесноватые, получали облегчение чтением над ними молитвы (из требника) и помазанием елея от неугасимой лампы, горевшей пред келейной Владимирскою иконою Божией Матери*.

Отовсюду начали стекаться братия, как в улей, напоевать сердца свои потоками сладости Божественной истекавшими из медоточных уст старца...

Старец уподоблялся великому дереву, покрытому многими плодами, к которому все простирали и взоры, и руки, так что трудно было пробраться сквозь толпу, чтобы увидеть его. В таком случае он говорил: «Сам Бог поможет пройти ко мне тем, которым это полезно».

«Случилось мне однажды, писал иеромонах А., проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. На дороге, в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об о. Леониде. На вопрос, почему вы его знаете, они отвечали: «Помилуй, кормилец, как нам не знать о. Леонида? Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые». Вот памятник, который вековечнее многих мраморов и гранитов!» (Жизнеопи-

* — Этою иконою великий старец Паисий напутствовал при выходе из Молдавии в Россию схимонаха о. Феодора; а сей последний, отходя ко Господу, благословил ею о. Леонида как общника его скорбей и наследника духовных дарований; икона эта находится теперь в Тихоновой пустыни.

сание старца Леонида. Зедергольм. Одесса, 1890 г., стр. 27-29, 51-52).

Картины, подобные описанной, были в Оптиной пустыни и при последующих старцах: Макарии, многотомные письма которого дышат любовью и утешением к его духовным чадам, и при старце Амвросии, недавно, сравнительно, умершем (в 1891 г.). «Растворенное солью неземной мудрости, — слово отеческое, слово глубокое и вместе простое слово, носящее печать помазания Св. Духа, вносящее мир и успокоение во всякую душу, жаждущую и алчущую правды и истины», — это слово старца Макария удовлетворило и такой пытливый философский ум, каков был И. В. Киреевский (См. соч. И. В. Киреевского Историческое описание Козельской Оптиной пустыни, стр. 184).

«Ни звание человека, — говорится в жизнеописании старца Амвросия, — ни состояние не имели никакого значения в его глазах; ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее и поставить на истинный путь». С утра до вечера удрученный недугом старец принимал посетителей, подавая каждому потребности; слова его всегда принимались с верой и были законом, благословение его или особенное внимание считалось особенным счастьем...

Тысячи вопросов сыпались ему из толпы, он все внимательно выслушивал и давал мудрые ответы. «Батюшка, — спросит кто-нибудь, — как благословите жить?» А батюшка скажет (он любил говорить

просто и прибаутками): «Жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, а всем — мое почтение»; или еще иначе: «Жить — добро творить, уклоняться от всякого зла, чтобы и наша когда-нибудь повезла...» Иногда батюшка садился, и тогда все присутствующие становились вокруг него на колени, с глубоким вниманием слушая его рассказы или какую-нибудь историю с полезным нравоучением или обличением чьих-нибудь недостатков; чаще всего предлагал советы о терпении, снисхождении к немощам ближнего и о понуждении себя к добру, говоря, что «Царствие Божие нудится» и т.д.*...

А в одном стихотворении такими безыскусственными словами воспевается отношение старца-иеросхимонаха Амвросия к основанной им (в 1884 г.) Шамординской обители:

Сей старец — вождь нам Богом данный,
Он наш отец, он всем нам мать;
В любви Христу служить призванный,
Готов он всякого принять.

* * *

Покой для немощных и старых,
Приют для маленьких сирот,
Себя пример для духом слабых
Создал трудом своих забот...

* * *

* — Иеросхимонах Амвросий, старец Оптиной пустыни. Москва, 1892 г., стр. 13-15, 59-63.

Его любовь границ не знает,
Для всех людей готов быть всем.
Пред ним гордец главу склоняет,
Мирской мудрец не глух, но нем...

* * *

Здесь дух любви повсюду веет,
Дух старца — нашего отца,
И им здесь все стоит и спеет,
Как плод от теплого луча...

* * *

Пройдут века. Наложит время
На все забвения печать,
Но старца вечно будут имя
В своих молитвах призывать...

Г Л А В А 4

Добродетели ученика по отношению к старцу: вера к наставнику, внешнее и внутреннее послушание наставнику. Значение откровения помыслов для духовного совершенствования послушника. Посильный ли подвиг — послушание?

«Даст ти Господь по сердцу твоему» (Пс. 19, 5).

*«Господи, даждь ми помысл
исповедания грехов моих»*

(Молитва свт. Иоанна Златоуста).

Все обязанности и добродетели ученика по отношению к своему наставнику обозначаются словом *послушание*. Послушание обнимает, и должно обнимать, всего ученика с его душою и телом, в легких и трудных делах, в мимолетных помыслах и страстях. Послушание, по Лествичнику, есть совершенное души своея отвержение, действиями телесными показуемое, умерщвление членов при живом уме, действие без испытания, произвольная смерть, сонное путешествие, гроб собственной воли, отложение рассуждения и при богатстве рассуждения; послушник — блаженный живой мертвец (Леств., ст. 4, 3-4).

Преподобные Каллист и Игнатий (Добротолюбие, т. 5, гл. 15) так частнее определяют обязанности послушника по отношению к наставнику: «Истинному послушнику все необходимо, как мы полагаем, должно соблюдать следующие пять добродетелей: во-первых, иметь веру чистую и нелицемерную, веру к наставнику своему в такой мере, чтоб смотрел на него, как на Самого Христа, и как Христу повиновался ему, как говорит Господь Иисус: «Слушай вас, Мене слушает и отменяя вас, Мене отменяется; отменяя же Мене, отменяется Пославшаго Мя» (Лк. 10, 16); и всяко еже не от веры, грех есть (Рим. 14, 23). Во-вторых, истину, т.е. чтоб истинствовать в деле и слове, и в точном исповедании помыслов, по написанному: «Начало словес твоих истина (Пс. 118, 160), и истины взыскует Господь (Пс. 30, 24), и Христос говорит: «Аз есмь истина» (Ин. 14, 16). В-третьих, не творить воли своей: ибо для послушника большая потеря и большой вред творить волю свою; ему надо всегда отсекал волю свою самоохотно, без принуждения от отца своего. В-четвертых, отнюдь не прекословить и не спорить. Прекословие и спорливость происходят от неверия и высокоумия. В-пятых, искренно исповедовать все тайны сердца (Пс. 31, 5)». В таких добродетелях должно, по учению великих подвижников, проявляться совершенное послушание. Это пятеричное число добродетелей послушания можно без ущерба свести к следующим трем — от послушника требуется иметь: а) полную веру к наставнику (эта первая добродетель включает и четвертую — непрекословие), не творить воли своей, повинуюсь б) чувственно и в) мысленно

но — «истинствовать в слове и деле и искренно все исповедовать». К подробному рассмотрению этих трех добродетелей послушания мы и обращаемся.

В е р а и н а с т а в н и к у .

Как при избрании наставника требуется вера в помощь Божию, так она должна быть и в самом послушании по отношению к наставнику. Вера «чистая и нелестная» нужна именно в то, что избранный наставник знает истинный путь Божий, безошибочно поведет по ведомому пути, и как сильный у Бога, окажет помощь. С верою требуется и принимать от наставника наставления, как единственно истинные и спасительные, считать их не за простые советы и указания, кои можно принимать и не принимать, — нет, — считать их за законы, обязательные для исполнения, критика коих со стороны ученика неуместна и гибельна (см. Варс., 13, 365, 366-7). «Нашедши наставника и к нему по-сыновнему прилепившись и телом, и духом, пребывай с того времени весь в его повелениях и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение,... последуй за учителем своим» (Преп. Каллист и Игнатий, гл. 14). «Действительно стяжавший веру, веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа и, бывая с ним или последуя ему, верит несомненно со Христом быть и Ему последовать» (Преп. Симеон Новый Богослов, Добротолюбие, т. 5, гл. 19). Принимая советы и повеления наставника за Божии советы и повеления, ученик только и должен слушать своего наставни-

ка: всякое другое руководство, каково и чье бы оно ни было, должен отвергнуть — дело его спасения в руках старца. Старцы говорили: «Если кто имеет веру к другому и самого себя отдает в подчинение ему, тот не имеет нужды внимать заповедям Божиим, а должен волю свою предать отцу своему — и не останется виновным пред Богом» (Древний патерик, стр. 310). «Не ужасайся и не дивись, — говорит Иоанн Лествичник, — когда скажу тебе, ибо Моисей мне в том свидетель (Исх. 32; Числ. 16), что лучше согрешить пред Богом, нежели пред отцом своим, потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может с нами Его примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже такого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал. Впрочем, я думаю, что оба эти согрешения имеют одно значение» (Леств., сл. 4, поуч. 122). Почерпая силу свою в вере к Богу, ради любви к Коему ученик предает себя в послушание, вера к наставнику сама по себе действительна без отношения к тому, каков сам по себе наставник. Так, один старец, преп. Варсануфий Великий, говорит ученику, сомневавшемуся в том, ему ли, Варсануфию, принадлежал полученный чрез посредственные уста ответ: «Если ты сомневаешься и хочешь исцелиться от неверия, то врачевание на это следующее: верь, чтобы несомненно веровать благому. Если же остаешься в неверии, бойся, чтобы не отпасть от одного блаженства, о коем сказано: блаженни невидевшие и веровавшие (Ин. 20, 29); веруйте в свет, да сынове света будете (Ин. 10, 36). Бог по вере нашей творит с нами. Сам Господь сказал: приемляй пророка во имя пророче мзду пророчу

приимет (Мф. 10, 41) (т.е. хотя бы приемлемый и не был пророк или праведник). Итак, если бы и не от меня был ответ, а ты принял бы его, как бы от меня, то получил бы пользу по вере твоей, ибо верен сказавший: даст ти Господь по сердцу твоему (Пс. 19, 5)... Если бы ты, услышав, поверил просто, то получил бы большую пользу (Преп. Варсануфий Великий, стр. 223, отв. 584). Господь сказал: виде-вый Мене виде Отца (Ин. 14, 9), и о ученике сказал: что он может (то же), что и учитель его (Мф. 10, 25)» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 10). «Человек советует ближнему так, как он веровал» (Преп. Марк Подвижник).

Какое значение имеет вера ученика по отношению к наставнику, на это указывает и следующее старческое исповедание русских оптинских старцев, Макария и Амвросия: «Хотя я грешен, неразумен и немощен душевно и телесно, но не отрекаюсь тем, кто идет с верою утешения или пользы душевной, сказать, что Бог подает омраченному моему уму к их пользе, и быть в сем орудием милосердного Его отеческого промысла, аще и не достоин».

«Если с верою будешь искать и принимать слова мои, то и чрез грешника получишь пользу; а если без веры, с сомнением и испытанием, разбором слов и действий, то хотя бы и праведен был, пользы быть не может: это знаешь от отеческих писаний и на деле испытал»*.

* — Сказан. о жизни и подвигах иеросхимонаха Макария. Москва, 1861 г., стр. 83; Сказ. о житии оптинского старца о. иер. Амвросия. Архим. Григория. Москва, 1893 г., стр. 53).

«Что худшие исправляют иногда лучших себя, — писал оптинский старец Амвросий, — этому видим пример в прологе, как обыкновенный диакон исправлял в ошибках по неведению такого святого пресвитера, которому в служении, видимо, предстоял Ангел Божий чистоты ради его» (Душеполезное чтение, август, 1896 г.). В старчестве вера в духовно-сердечном союзе старца и ученика составляет живое связующее звено, чрез которое как бы духовная сила от старца переливается на ученика. Вера ученика делается известною и старцу, чувствуется им. «Веру и любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу, и Бог неведомым образом известит его о твоей к нему любви и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным» (Леств., сл. 4, поуч. 45).

«Некто, опытом познавший духовную пользу и неложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: я положил в себе такой помысл, чтобы никогда не просить у отца моего ни есть, ни пить, и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать это. И действуя так, я никогда, говорит, не был тщетен в надежде своей» (Преп. Симеон Новый Богослов, гл. 18).

В старчестве все послушание, весь успех старческого окормления и духовного возрастания ученика зависят от степени и твердости его веры; с ослаблением этой веры к наставнику ослабляется сердечный союз со старцем и послушание ему. «Сколько вера, — говорит Лествичник, — цветет в сердце, столько и тело успевает в служении; а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал, ибо всячески — еже не от веры, грех есть (Рим. 14, 23)» (сл. 4, поуч. 7).

Если вера к старцу поколеблена, поколеблен, значит, и тщетен весь труд послушника, теряет смысл старческое окормление. И подобно тому, как Св. Апостол Петр твердою стопою шел по безднам моря до тех пор, пока смотрел с верою на одного Спасителя Христа, но начал утонуть, лишь только подумал о бурном ветре и воздымающихся волнах и стал ослабевать в своей вере в Богочеловека (Мф. 14, 29-31), и послушник — ученик — стоит на твердом пути спасения, если с верою взирает на своего учителя, но в гибельных волнах своих сомнений и неверия он все теряет и погибает. Ввиду такого великого существенного значения веры к наставнику в деле духовного преуспеяния ученика и сам послушник более всего должен заботиться о том, чтобы воспитать в себе светлую твердую веру к наставнику, не омрачать ее никаким облаком сомнения. Святые отцы учат для сохранения полной веры не судить и не испытывать своего наставника и не замечать его недостатков. «Предавшись наставнику, — говорит Лествичник, — мы уже отнюдь не должны испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя может быть в нем как в человеке и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судиями, не получим никакой пользы от повиновения (Лествица, сл. 4, поуч. 6)». «Испытывать нестроения наставника и желать испытывать, значит препятствовать своему преуспеянию» (Нил пост., гл. 42). Когда один инок спросил Иоанна Савваита: «Отче, что мне делать, если мой наставник по нерадению в чем и погрешит?» — Старец сказал: «Если бы ты даже увидел, что он

блуд творит, не оставляй его, но говори сам себе: друже! Зачем ты сюда пришел?» (Леств., сл. 4, поуч. 112). «Веру несомненну имей к нему, если бы и весь мир досаждал ему и ругался. Если и сам, своими глазами увидишь его блудящим, не соблазняйся и веру твою к нему не умаляй, повинуюсь Сказавшему: не судите, и не судят вам (Лк. 6, 37). Если же неподобающее и злое делающего или говорящего увидел бы, это себе приписывай и за свои грехи вменяй и кайся со слезами, считая его святым и призывая молитву его» (Преп. Симеон Новый Богослов, 12 слов в русском переводе, сл. 1 и 7).

Даже и в мыслях мы не должны допускать что-либо омрачающее личность наставника, помня, что стрелы врага направлены к тому, чтобы внушить сомнение и недоверие послушнику и порвать союз его со старцем. «Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее твоего наставника, и не исследуй дел его, иначе ты часто можешь обмануться и впасть в искушение; ибо сие есть обольщение лукавого, который желает воспрепятствовать по вере послушанию и лишить нас твердого спасения, от него происходящего (Авва Дорофей, поуч. 17)... «Не преклоняй слуха твоего к речам против старца твоего..., чтобы не изгладил тебя Господь из книги живых» (Авва Евагрий, Добротолюбие, т. 1, стр. 64). «И когда помысл склоняет тебя испытать и осудить твоего наставника, как от блуда отскочи от оногo; не давай сему змею-прельстителю никакого послабления и входа: не ты над наставником, а он над тобою получил суд; не ты его, а он твой судья» (Леств., сл. 4, поуч. 7; Преп. Каллист и Игнатий, гл. 14).

Для сохранения этой веры советуется обращать внимание на добродетели наставника: «Желающим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце их добродетели («все доброе запечатлей в сердце твоём», преп. Симеон Новый Богослов, 7 сл. из 12), с тем, чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие» (Лествица, сл. 4, поуч. 7).

И в этом при помощи Божией нет ничего невозможного: «Господь, умудряющий слепцов, просвещает очи послушников видеть добродетели их учителя и отемняет их не видеть недостатков его; а ненавистник добра делает противное сему» (Лествица, сл. 4, поуч. 98).

Общее трудничество и скорби должны сблизить ученика со старцем, и ученик может найти в своем наставнике такую добрую способность, к которой он может привить зерно своей веры; раз только он получит помощь от наставника в своей духовной брани, ему нетрудно будет привязаться всею душою к наставнику. «Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верою к пастырю, не отступает от него даже и до крови; особенно же, если она получила чрез него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: «Ни Ангелы, ни начала, ниже силы, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Христовы» (Рим. 8, 38). Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась, то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает на сем ме-

сте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением» (Лествица, сл. 4, поуч. 28).

Внешнее и внутреннее послушание наставнику.

Внешнее послушание наставнику обнаруживается с положительной стороны в чувственном повиновении ему, в исполнении всякого его приказанья, к внешне-физическому трудничеству относящегося. Какое бы приказание и делание старец ни дал ученику, послушник безпрекословно, немедленно и без рассуждения, без исследования, хорошо ли то или дурно, должен исполнить. Велит старец воду носить — носи, дрова таскать — исполняй, хотя бы ученик имел склонность и к другому занятию, велит в келлии не выходя сидеть — сиди и т.д. Исполнять должен приказание даже тогда, когда оно кажется страшным, неисполнимым, нелепым и т.п.. Св. Антоний, например, заставляет ученика своего, Павла Препростого, стоять на зное, плести и расплетать корзины, без нужды, по-видимому, без цели черпать воду из колодца и выливать ее на землю. Св. Иоанн Дамаскин по повелению старца вычищает нечистые монастырские отхожие места — несет тяжелую епитимию за то, что, вопреки запрещению старческому, осмелился составить стихиру на смерть одного из братьев. Испытывая истинное послушание одного брата, св. Василий Великий велит ему служить при столе. А после принятия пищи, когда брат подал ему воды умыться, св. Василий говорит ему: пойди и я подам тебе умыться. Брат допустил Василию подать себе воды (Достопамятные сказания, стр. 62).

«Я знаю и уверен о Господе, — говорит один старец ученику, — что если скажу тебе: пробудь целый год в темнице, то в этом ты не будешь противоречить мне» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 190). И ученики повинуются и преуспевают.

Благословение Божие к такому безпрекословному и самоотверженному послушанию проявлялось в чудотворении. Так, авва Павел приказывает ученику своему, Иоанну, связать и привести к нему гиеву: ученик, повинаясь без страха и разсуждения, связывает и приводит ее (Достопамятные сказания, стр. 146). Ученик преп. Венедикта, отрок Плакида, тонет среди реки, преподобный, видя то прозорливыми очами, посылает другого своего ученика, Мавра, спасти его. Мавр, выполняя безпрекословное послушание, спасает отрока и, спасши, узнает, что бежал по воде как по суху» (Четьи Миней, 14 апреля).

Авва Иоанн Колов, по приказанию старца, ежедневно с вечера отправляется далеко с кружкой за водой, чтоб утром полить посаженное старцем сухое дерево. Чрез три года дерево оживает и приносит плод, и старец в собрании предлагает вкусить братии от плодов послушания» (Достопамятные сказания, стр. 120).

«Повинующемуся Богу повинуются все» (Св. Петр Дамаскин, кн. 1, стр. 22); «послушание бывает за послушание. Если кто слушает Бога, и Бог того слушает» (Авва Моисей, Древний патерик, гл. 14 и 9).

С отрицательной стороны внешнее послушание проявляется в том, что без позволения наставника ученик ничего не может делать и предпринимать, все делает с совета и ведома своего наставника. По на-

ставлениям Василия Великого ученик с позволения старца все должен делать, даже все маловажное, например, есть, пить, говорить, идти и т.п. «Если кто без ведома архимандричья станет мыть одежду свою или другого, то без благословения да будет» (33 пр. Кр. наст.). «В Киновии ты и кувшином не можешь распоряжаться по своей воле» (Авва Пимен, Достопамятные сказания, стр. 263). Никто никуда не должен выходить без благословения отца и по правилам Пахомия Великого. «Не садись и со старцами, говорящими Слово Божие, без вопрошения своего аввы: сесть ли мне послушать, или идти в келлию свою? И что он тебе скажет, то и делай (Авва Исаия, Добротолюбие, т. 1). Ни шагу сделать, ни слова сказать, ничего нельзя без дозволения старца. «Монах, — говорит Антоний Великий, — если можно, должен откровенно сказывать старцам, сколько пьет капель в своей келлии, чтобы как не погрешить и в этом» (Достопамятные сказания, стр. 14). В добром намерении и деле и то не должно доверять себе и самовольно поступать. «И доброго дела не делай, милостыню не подавай без воли отца» (Преп. Симеон Новый Богослов, гл. 169). «Наблюдай за собою, чтобы не делать тебе вопреки воле учителя, ибо все, что делается без него, есть некое хищение и святотатство, ведущее к смерти, а не пользе, хотя бы дело твое казалось тебе добрым» (Св. Василий Великий, т. 5, стр. 50). «Всякая заповедь требует исполнения и всякое преслушание достойное носит наказание. Много раз говорил я вам, что из вас никто не имеет власти дать кому пищу и питье... сие есть безумие и ненависть на Бога, и самочиние и плотоуго-

дие. Дерзаю сказать, что если то и Ангел (т.е. дает), то и от него ничего не принимай» (Св. Феодор Студит, 26 огл. поуч.).

Вообще, что велит исполнить и сделать ученику наставник, он исполняй, что не велит делать, хотя бы то и хотелось и заблагорассудилось ученику, терпи и повинуйся. Всякое повиновение и послушание ценно и полезно ему самому.

Все свое у послушника служит только ко вреду дела, всего себя он должен предоставить старцу. Отказываться от порученного дела и домогаться другого, значит показывать, что не отвергся еще своей воли, нарушать послушание (Крат. наст. Василия Великого, 119); иногда слушать старца, а иногда делать по-своему, это значит разорять то, что созидает воля старца, а разрушать одною рукою созидаемое другою, значит обречать себя на стояние на одном месте, делать напрасным свой и чужой труд. «Кто иногда слушается, а иногда не слушается старца, тот подобен человеку, который к своему больному глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое — известь. Ибо Писание говорит: «Един созидаяй, а другой разоряяй, что успеет более, токмо труд (Сир. 34, 23) — (Лествица, сл. 4, поуч. 60). «Кто вопрошает и ослушивается отцев, тот раздражает Бога», — говорит Варсануфий Великий (отв. 55).

«Ни от чего не отвращайтесь, — ни от душевных, ни от телесных трудов, потому что и телесное наше, будучи посвящаемо Богу, духовно есть» (Св. Феодор Студит, 4, 4; Добротолюбие, т. 4)». «Каким образом телесные труды делаются душевными добродетелями? Какое отношение имеют телесные труды к рас-

положению души? Я объясню вам это, — говорит авва Дорофей: — так как душа по преступлении заповеди предалась, как говорит св. Григорий, прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное, и некоторым образом стала как бы нечто единое с телом и вся сделалась плотию, как сказано: не имать пребывати дух мой в человецех сих, зане суть плоть (Быт. 6, 3), и бедная душа как бы состраждет телу, и соучаствует во всем, что делается с телом. Посему и телесный труд приводит душу в смирение: труд смиряет тело, а когда тело смиряется, то вместе с ним смиряется и душа» (Авва Дорофей, поуч. 2)*.

Но «телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть» (1 Тим. 4, 8); и телесный труд полезен настолько, насколько служит духовному совершенствованию, насколько приучает человека к смирению. На вопрос, что больше — телесный труд или хранение сердца? Авва Агафон ответил одному брату: человек подобен дереву: телесный труд — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию: всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и в огонь вметаемо (Мф. 3, 10), то, очевидно, важно попечение о плоде, т.е. хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоуукрашение, т.е. телесный труд» (Ник. Уед.; Добротолюбие, т. 5, стр. 265).

Что касается мысленного, внутреннего повиновения старцу, то оно обязывает послушника к следующим действиям: прежде всего он должен постепен-

* — На Валааме у нас введено именно физическое трудничество, чувственное повиновение старцам.

но отсекаль свои разуменія, научиться ничего не слагать умом и сердцем ни относительно настоящаго, ни относительно прошедшаго и будущаго, не верить себе, своему уму и сердцу, не решать без определенного наставника, что хорошо и что худо, ни знать, ни думать даже, без указания отца. Все свое внутреннее произвольное движение сил должен послушник подавить в себе — он от своего должен очиститься, сделаться праздным, пустым. Пустым он должен сделаться именно для того, чтобы наставник вполне мог вложить в него новаго человека. «Для воспріятія Бога и Божіей воли наш ум и волю должно представить нагими» (Карпиф.; Добротолубіе, т. 3, 49 гл. 1.). Нужно прийти в состояніе «неслаганія помыслов», умолчанія: умом ничего не определять и не умствовать, волею ничего не желать и не решать, сердцем ничего не вкушать; и мыслить, и желать и вкушать — все нужно с дозволенія старца. Это «жизнь, чуждая любопытства, отложеніе своего рассужденія, неверованіе самому себе, во всем добром даже, до конца жизни» (Лествица, сл. 4, поуч. 3-5).

Но возможно ли послушнику прийти в совершенное молчальное состояніе неслаганія? Нет, при всем его желаніи и усиліи то ему невозможно сделать, как невозможно удержать ветер. Воля и сильное его желаніе тут не причем; мысли, пожеланія, планы, похоти, страсти и т.п. непрерывно меняются в человеке, человек никогда не может быть праздным от мыслей, но во власти человека удерживать одни и подавлять другіе.

«Деятельность ума нашего, — говорит преп. Иоанн Кассиан, — хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного движения воды быстро вертится кругом. Он никак не может перестать вертеться, движим будучи водою; но во власти приставника состоит, пшеницу ли молотить или жито, или куколь растирать. И наш ум не может быть праздным при потоке впечатлений от волнения помыслов; но какие из них принимать или усваивать себе, это зависит от нашей воли и усмотрения» (Добротолюбие, т. 2, стр. 101).

«Остров, лежащий среди моря, может ли остановить волны, чтобы они не ударяли в него? По крайней мере остров противится волнам. Так и мы не можем остановить помыслов, но можем противиться им» (Св. Ефрем Сирин). «Иноку можно быть и страстну, но не действовать страсти» (Преп. Паисий Величковский, стр. 266). При невозможности быть праздным от волнения помыслов нужно добрые помыслы задерживать, а злые отвергать. «Когда будет, — говорит свт. Феофан Затворник, — чувство в сердце, мысли не будут блуждать: когда в самоваре кран отвернут, вода течет неудержимо, а когда завернем кран, вода останавливается; так и с мыслями: все текут и текут, завернешь кран — и перестанут. Это завернутие крана есть возбуждение святого чувства в сердце и держание его» (Душеполезное чтение, 1896 г., кн. 2-3, стр. 466). «Когда коноб (котел), подогреваемый снизу, кипит, то мухи и разные насекомые не садятся на него» (Преп. Пимен Великий). Приставником, следящим за помыслами, разбираю-

щим их качество, в данном случае является наставник: его обязанность гнать дурные помыслы и подогревать в ученике святое чувство. Обязанность же послушника все решительно помыслы: и добрые, и худые — открывать наставнику.

Св. отцы настаивают на вседневном и постоянном откровении помыслов. «Каждый из подчиненных, если хочет оказать значительный успех и привести жизнь свою в состояние, согласное с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, не должен ни одного своего душевного движения оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, но тайны сердечные обнажать пред теми, кому поручено попечение о немощных. Ибо таким образом похвальное будет утверждено, а неодобрительное не останется без надлежащего врачевания» (Кр. наст. Василия Великого, 157-158). «Открывай помыслы свои отцам твоим, — говорит Исаия, — чтобы благодать Божия покрыла тебя». «Исповедуй помыслы сердца отцу твоему, если можно, всякий час, если же нельзя, то по крайней мере, пусть ни один вечер без сего не проходит, о возлюбленный; а также по утрени, испытав себя, объясняй ему все случившееся с тобою» (Преп. Сим. Нов. Бог., 1-е сл. из 12; о том же с указанием грехов, Сим. Нов. Бог. от деят. глав 121, 122; Ефрем Сир., сл. 52; авва Дорофей, поуч. 2-е; Вас. Вел. простр. пр. 26 и др.). «Многоводие корабля — исповедание грехов, и если вознерадят корабельщики о многоводии корабля, спяще потопляются с кораблем. Исповедуем же помыслы сердца нашего, да не соберется многа вода помыслов в душах наших и не обыдет нас после-

дняя бездна» (Ин. 2, 6; Феод. Студ. 2 огл.). «Скрывающий свои помыслы пребывает не исцелен и исправляется только частым вопрошением о них отцев духовных» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 317).

Нужно все решительно открывать, даже то, за что не осуждает совесть. Св. Василий Великий (Кратк. наст., 301, стр. 368) не велит нигде себе доверять: «в телесных недугах бывает, что больные не чувствуют своих недугов, однако же они верят более наблюдению врачей, не полагаясь на свое собственное чувство. Так должно быть и в рассуждении душевных недугов — грехов. И Апостолы, когда, при несомненной уверенности в своем искреннем расположении ко Господу, слышали: «один от вас предаст Меня», более поверили сему слову Господа и переменили свою мысль, говоря: «еда есмь аз, Господи?» (Мф. 26, 21-22).

«Когда я был в общежитии аввы Серида, — говорит преп. авва Дорофей, — я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда не решался сделать что-либо без его совета. Иногда говорил мне помысл: «Не то же ли (самое) скажет тебе старец? Зачем ты хочешь беспокоить его?» — А я отвечал помыслу: «Анафема тебе и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему, ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов». И так я шел и вопрошал старца. И случалось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысл говорил мне: «Ну что же? (видишь) это то самое, что и я говорил тебе: не напрасно ли ты беспокоил старца?» — И я отвечал помыслу: «Теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святого, твое

же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного устройства (души)» (поуч. 5). В интересах самого послушника требуется исповедь свободная и искренняя. Нужно со свободою «обнажать пред старцем помыслы» (Авва Исаия; Добротолюбие, т. 1, стр. 302), т.е. чтобы ученик совершенно обнажал свой помысл, ничего не скрывал ради стыда, ничего не изменял, говорил от своего лица, как следует, искренно и сокрушенно, а не притворно, как бы от другого лица (Преп. Варсануфий Великий, отв. 372). И «свобода есть именно истина, откровенно высказываемая. (Но свободу эту надобно обращать лишь к такому лицу, которое не соблазняется)» (отв. 373). «Бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других. (Лествица, сл. 4, поуч. 63). Но ты не прельщайся духом возношения, и возвещай учителю твоему согрешения не так, как от иного лица. Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: «Отче! Моя язва сия, моя рана сия; она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лени, никто не виновен в ней: ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение» (Там же, поуч. 61). «Исповедуйся пред старцем, как пред Богом. Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством, как осужденный преступник, поникши лицом на землю, и если можно, то омочай слезами ноги судии и врача твоего, как ноги Самого Христа» (Там же, поуч. 62). «Если по-

грешишь в чем, не лги, стыдись признаться, но положи поклон, говоря: прости мне, и грех твой пройдет» (Авва Исаия, Добротолюбие, т. 1, стр. 297). Стыдиться помыслов и бояться исповеди не следует, тем более, что иные помыслы, сильно смущающие и удерживающие послушника в нераскаянности, могут быть у него не свои, наваяны врагом нашего спасения и, как вражьи помыслы, они «не вменяемы». Об этом говорит изведенный отцами-подвижниками опыт.

Один брат, — рассказывается в «Достопамятных сказаниях», — искушаем был хульными помыслами, но стыдился говорить об этом. Где бы не услышал о великих старцах, он ходил к ним с намерением открыться им; но как скоро приходил, стыдился исповедать пред ними свои помыслы. Часто ходил он и к авве Пимену. Старец видел, что брат мучится помыслами, и скорбел о том, что он не открывает их. В один день отозвал его старец и сказал: вот столько уже времени ты ходишь сюда, желая открыть мне свои помыслы, но когда приходишь, не хочешь сказать о них и уходишь опять с ними, мучимый по-прежнему. Скажи мне, сын мой, что у тебя на сердце? Брат отвечал старцу: диавол искушает меня богохульными помыслами и я стыдился говорить об этом. Потом рассказал старцу свои богохульные помыслы и тотчас почувствовал облегчение. Старец сказал ему: не скорби, сын мой! Но когда придет тебе такой помысл, говори: я не виноват; хула твоя, сатана, да падет на тебя; душа моя не хочет сего. А все, чего душа не хочет, скоро проходит. Таким об-

разом, брат пошел от старца, уврачевав душу свою»* (стр. 248).

Внутреннее, мысленное повиновение старцу, откровение ему помыслов имеет, сравнительно с чувственно-внешним повиновением, и безотносительно величайшее значение в духовном совершенствовании послушника. Откровение помыслов прежде всего раскрывает наставнику внутренние язвы, которые послушник и сам не замечает, указывает нравственные недостатки и греховные склонности ученика, к которым старец и прилагает соответствующие целительные лекарства.

Затем, хотя это откровение помыслов не прощает грехи, но самое-то откровение греховных помыслов делает их немогущейшими. Нечистый помысл при откровении его, выйдя наружу, делается рельефным, видимым; и сам исповедывающий видит и сознает его нечистоту, которую он ранее не замечал; открывая отцу греховные помыслы, ученик наглядно как бы примеривает их и тут же стыдится и оставляет их.

«Все являемое свет есть» (Ефес. 5, 13). «Враг не любит света; почему откровение злых помыслов разгоняет их и истребляет. Как змея, извлеченная из темной норы на свет старается убежать и скрыться.

* — Примером не сомневающейся веры к старцу, безусловного чувственного и мысленного повиновения, охотного отсечения своей воли и разума, образцом истинного послушания может служить св. Досифей, ученик св. аввы Дорофея, который в короткое время оказал большие успехи в послушании и причислен к лику святых отцов (см. сказание о блаженном отце Досифее, ученике св. аввы Дорофея, в книге поуч. Дорофея).

так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Это подтверждается многими и премногими примерами и опытами» (из коих некоторые сам Иоанн Кассиан и приводит; Добротолюбие, т. 2, стр. 151). «Один тщательный монах, претерпевая нападение от беса, двадцать лет изнурял тело свое постом и бдением; но как никакой не получал от него пользы, то, описав на бумаге свое искушение, пошел к некоему святому мужу и, вручив ему оную, повергся лицом на землю, не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав писание, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же брат оный сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, сколько лет он ни продолжался и ни будет продолжаться в тебе, только ты ~~вмений~~ его за ничто». После инок сей уверял, что он еще не успел выйти из келлии старца, как эта страсть исчезла. Сие исповедал мне сам бывший в искушении, принося благодарение Богу» (Преп. Иоанн Лествичник, 23, 54).

«Когда ум исповедует Богу вину свою, тотчас упраздняется и самое сие искушение» (Преп. Марк Подвижник; Добротолюбие, т. 1, стр. 511).

Да это явление и психологически верно: часто предметы имеют для нас привлекательность лишь до тех пор, пока мы их не получили, пока они не стали объективно видимыми для нас; так и здесь: вся прелесть чарующих нечистых помыслов выплывает наружу, человек как бы прозревает, туман, покрывавший его сердечные очи, исчезает, а с ним исчезает и пленяющая прелесть греховных помыслов и

«как я ранее этого не замечал?» может сказать только открывший свои помыслы.

Один духовный сын старца Леонида Оптинского рассказывал: «Пойдешь, бывало, к батюшке утешиться в своих скорбях, и при вступлении в его келлию вмиг все исчезает, и в сердце вдруг почувствуешь тишину и радость. Батюшка спросит: зачем пришел? А ты и говорить не знаешь что. Возьмет батюшка, помажет маслом из лампады, да благословит, и пойдешь от него с сердечною радостью и душевным миром» (Жизнеописание иеромонаха Леонида. Одесса, 1890 г., стр. 88).

В жизнеописании преосвященного Иереии отшельника Нижегородского († 1884 г.) о благотворном действии откровенных бесед со святителем-подвижником говорится также следующее: «Едва станешь приближаться к его келлии, как в душе чувствуешь невольное смущение, точно идешь на исповедь, на которой должны раскрыться и объявиться все греховные тайны... и после того, как выйдешь от него, долго еще носишь в сердце потребность и желание быть лучше, чище, совершеннее. Случалось приходить к преосвященному Иереии с тяжелым душевным настроением, неся в сердце какую-либо заботу, недовольство, раздражение, гнев, скорбь или что-нибудь крайне неприятное и тогда от старца-святителя слышишь слова утешения, участия, советы, разъяснения простые, но удивительно веские и влиятельные. Слушая их, бывало, чувствуешь, как сердце, до того времени холодное, согревалось, как мало-помалу угасал гнев, смягчалась боль, затихали вражды, успокаивалась тревога, и я выходил из тем-

ной и тесной келлии, точно озаренный новым теплым светом, во много раз более спокойный и примиренный со всеми и всем, чем был до того времени» (Церковные Ведомости, 1898 г., § 39).

Так одного луча солнечного иногда бывает достаточно, чтобы разогнать всю неприглядную тьму, рассеять тяжелый мрак душевный!

«Как сияюще свету уступает тьма, так и свет исповеди истребляет помыслы страстей, так как они — тьма» (Феолипт Филадельф; Добротолюбие, т. 5, стр. 188.).

Значение откровенности в помыслах прежде всего и заключается в том, что она своим светом отгоняет помыслы темные, делает их немощными и «язывы объявляемые не успевают на горшее, но исцеляют» (Лествица, сл. 4, поуч. 10).

Далее всedневное откровение помыслов заставляет следить за грехами и удерживает от них. Зная, что их нужно все представлять на суд старцу, послушник выслеживает их и вступает в борьбу с ними. «Кто постоянно испытывает себя, раскаивается, в чем согрешил, и старается направиться, тот, — говорит авва Дорофей, — начинает уменьшать в себе зло, и если делал девять (проступков), будет делать восемь и так, преуспевая постепенно, с помощью Божией, не допускает укрепиться в себе страстям» (Авва Дорофей, поуч. 11, стр. 148). «Душа, помышляющая об исповеди, — говорит Иоанн Лествичник, — удерживается ею от согрешений, как бы уздою» (сл. 4, поуч. 53).

«Великое пособие к тому, чтобы не грешить, — говорит отец наш Василий Великий, — и на другой

день не впадать опять в то же, есть по окончании дня подвергать суду совести себя самих и все свое... Такое разбирательство каждодневное освещает и то, что бывает у нас каждочасно» (Преп. Исихий пресвитер Иерусалимский; Добротолюбие, т. 2, стр. 181).

Наконец, великое значение откровения помыслов вытекает и из того, что оно-то главным образом открывает глаза послушнику на самого себя. Самый труд борьбы со грехом и помыслами заставляет послушника сознать свою немощь и, предавая его в руки старца и в волю Божию, научает столь необходимому, как увидим позднее, смирению. Чем более послушник сознает свою немощь, тем более будет, конечно, искать благодатной посторонней помощи; чем чаще будет открывать помыслы, тем большую будет находить в том пользу и тем больше будет возрастать у него любовь и вера к Богу и старцу.

«Всякое исповедание, — говорит Максим Исповедник, — смиряет душу, то заставляя сознаться, что в прегрешениях своих она сама виновата по причине нерадения своего, то научая ее признать, что она оправдана благодатию» (Добротолюбие, т. 3, стр. 297).

Откровенное записывание помыслов, за временным или совершенным отсутствием старцев, имеет тоже значение личного откровения помыслов. «Записывание заменяет очи сподвижников. Для ограждения себя от греха, — говорит св. Антоний Великий, — пусть каждый замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщить это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить

и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы его видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как, наблюдая друг за другом, не будем творить блуда, так, записывая помыслы с намерением сообщить их, легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности» (Добротолюбие, т. 1, стр. 22-23). Как хороший способ для того, чтобы удерживаться от грехов, следить за помыслами и не забывать их, запись помыслов практиковалась еще в древних монастырях.

Так, Иоанн Лествичник повествует, что в египетском монастыре он увидел у трапезного книжку при поясе с тем предназначением, чтобы записывать в нее помыслы и ежедневно их пересказывать пастырю. То же делали, — добавляет Лествичник, — и многие из тамошних братий (сл. 4, поуч. 39).

«Хороший купец, — говорит Иоанн Лествичник в другом месте, — на всякий вечер непременно считает дневную прибыль или убыток; но его он не может ясно узнать, если ежечасно не будет всего записывать в счетную книгу, потому что ежечасное испытание просвещает душу». (сл. 4, поуч. 116)*.

«Много раз бывало со мною, — говорит св. Петр Дамаскин, — что самодвижно приходила мысль и я записывал ее для памяти, а потом, во время брани, имел от нее помощь или облегчение... леность ведет

* — В молитвенных правилах в числе вечерних молитв находится «Исповедание грехов повседневно», да и в других молитвах грехи перечисляются.

к забвению, забвение — к неведению» (Твор., кн. 1, стр. 185).

Записывание помыслов, таким образом, имеет значение личного откровения их старцу. Один опытный духовник говорил нам: «Иногда некогда почему-либо идти к старцу, а помысл беспокоит; возьмешь клочок бумажки, напишешь, — и сразу чешуя как бы какая сходит с глаз, видишь яснее, чувствуя облегчение и спокойствие на совести». А другой из современных же монахов, пользующийся известностью среди народа, писал о себе, что связь его с умершим руководителем старцем не прекращается: в первые годы, когда жил близко, он ходил ежедневно на могилу старца, чтобы исповедать свои грехи и просить у него прощения, а потом, когда для уединенной жизни он удалился за несколько верст от могилы, то повел дневник и, когда приходит в монастырь, считает своим долгом сходить на могилу и покаяться по дневнику пред почившим старцем.

Значение откровенности всякий может испытать и испытывает на себе. Откровенность, искренность, правдивость — признак неиспорченной души. И кто не испытал благотворного влияния откровенности? В минуту жизни трудную кто не оценил благодетельность откровенной беседы? Друзья тем и дороги. И у Христа Спасителя были особенные сердечные друзья: Лазарь и Иоанн, лежавший на персях Его. У всякого человека есть потребность иметь друга, с которым бы он говорил по душе, делил радость и горе, с условием, конечно, сочувствия и сохранения наших тайн. А в данном случае, как ученик может

сомневаться в сочувствии и может ли он найти кого-нибудь другого, более сочувствующего?

Некоторые ученики и ученицы старца о. Леониды сознавались, что, скрытые пред другими, они пред старцем легко высказывали даже то, в чем иногда и пред собою им было трудно сознаться: открытое, свободное обращение старца развязывало их души; его открытое лицо внушало откровенность и располагало и хитреца к простоте и непритворству (Жизнеописание, стр. 59 и 831).

Вся беда человека заключается в том, что он не может истинствовать не только в слове и деле, но и в мыслях. Не говоря уже о том, что в толпе — при других — и в уединении он не одинаков, он и в уединении лжет сам пред собою, ходит постоянно на ходулях и, весь изолгавшись, ложью наполняет всю свою жизнь. Но если бы корень был свят, то, конечно, и ветви были бы святы: чтобы не лгать пред другими и истинствовать в слове и деле, человек прежде всего должен приучиться не лгать пред собою, внутри себя, истинствовать в мыслях, — должен познать себя. «Познавшему себя дается ведение всего» (Творения св. Петра Дамаскина, кн. 1, стр. 22).

«Умиришь сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля» (Св. Исаак Сирин, сл. 2, стр. 10). «Познай, человек, свое благородство и достоинство, как драгоценен ты, брат Христов, друг Царев, невеста Небесного Жениха. Кто возмог познать достоинство души своей, тот может познать силу и тайны Божества» (Св. Макарий Египетский, б. 27).

Желательное самопознание и истинствование с самим собою и достигается именно сосредоточенно-

стью, наблюдением за собою и, в данном случае — откровением помыслов опытному старцу, которому, как мы уже говорили, присущ верный и безпристрастный взгляд на внутреннее «я» послушника.

«Это, — говорит св. Иоанн Кассиан, — самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достодолжном даже и такие, которые не имеют особой к сему способности. Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коего первым доказательством служит — открывать отцам не только то, что делаем, но и то, что думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим и худым только то, что они признают таковым... Так, предание рассуждению отцев своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей» (Добротолюбие, т. 2, гл. 10).

К этой же цели самопознания и рассудительности, но, конечно, в меньшей степени, ведет и в миру всякая откровенность с друзьями и с записными книжками и дневниками, заменяющими друзей, под условием, если мы ничего не утаиваем пред ними, истинствуем в мыслях — не лжем пред собою. Иногда подавленный тяжелым чувством в настоящем человек, если по своему дневнику будет рыться в старом пережитом, то в душе его поднимается рой пережитых воспоминаний, которые переносят его в забытое прошлое, кажущееся всегда таким дорогим и близким. Эти воспоминания способны расшевелить чувства человека и привести его в умиление; выплывшее пережитое может осветить путь жизни человека и иногда, к удивлению его, покажет

ему явное или тайное руководство промысла Божия, которого он, живущий только одним своим настоящим, и не замечал. А чем объяснить тот случай, что некоторые, разочарованные в жизни, решившись на самоубийство, писали откровенно родным или знакомым о причинах своего самоубийства, исповедовались как бы пред ними и... оставались жить? Это можно объяснить лишь благотворностью самой откровенности: она, заставив самососредоточиться, указывала им всю ложность и мелочность причин, не стоящих того, чтобы из-за них губить свою жизнь, снимала шелуху с внутреннего зрения, раскапывала не угасший внутри жизненный огонек и возвращала, — вновь привязывала к жизни. Умиротворение — последствие откровенной беседы. Кто высказывается, тот успокаивается.

«Записываете ли вы, что испытываете? — спрашивает в одном письме свт. Феофан Затворник. — Я думаю, что записывать следует, чтобы по временам просматривать и, видя Божие о себе попечение, паче и паче ревновать и усовершенствоваться» (Душеполезное чтение, 1896 г.).

Но нужна ли была борьба с помыслами, не есть ли это оцепивание комара — мелочь, на которую не стоит обращать внимания? Если помыслы естественны и невозможно, как ветер, удержать их, то не лучше ли только следить за делами? Мысли, думай, что хочешь, — поступай лишь добросовестно. Такой вопрос и решение могут явиться только у человека, не знающего своей внутренней жизни, не следящего за собою.

Св. отцы (Иоанн Лествичник, сл. 15, поуч. 73; Филофей Синайский, гл. о трезв., 34-36; Исихий, гл. 46; Петр Дамаскин, кн. 1, стр. 224) различают следующие степени помысла: 1) прилог — приражение (от греч. **prosvoli**) — это простое, поверхностное представление; 2) сочетание (по греч. **sindiasmos**) — прикование, остановка внимания на образе представления, собеседование с помыслом; 3) сосложение (по греч. **sivcafatesis**) — согласие, соизволение души на приразившийся помысл, сочувствие ему; 4) пленение (по греч. **aechmalosia**) — увлечение сердца, склонение воли, что уже есть грех (Мф. 5, 22). Порок же, вгнездившийся в душу и чрез долговременное пристрастие и навик ставший как бы ее природным свойством, есть страсть (по греч. **pafos**), болезнь души (по греч. **pafos**, от **paschim** — страдать).

Первые помыслы — прилоги — сами по себе не греховны, как естественные и независимые от нашей воли. «Не испытывать приражений зла есть принадлежность одного естества непреложного, а не человеческого... Приражение помысла не есть ни грех, ни правда, но обличение самовластной нашей воли» (Преп. Марк Подвижник; Добротолюбие, т. 1, стр. 511). Помыслы во второй степени (сочетание) не совсем без греха: в нашей уже воле здесь принять или не принять образы. В третьей степени помыслы судятся и по устроению подвижающегося. Пленение же иначе судится во время молитвы, иначе в другое время, иначе в отношении предметов безразличных и иначе в худых помышлениях. Страсти же,

без сомнения, подлежат во всех или соразмерному покаянию, или будущей муке» (Леств., сл. 15, п. 75).

«Не подобает, — говорят преп. Каллист и Игнатий, — в помыслах коснети, да не сосложение помыслов в деяние тебе вменится в день суда пред Господом (Добротолюбие, т. 5, гл. 49)*.

«Скажи мне, — говорит св. Феодор Студит, — откуда у вас продерзости и порождаемые ими нестроения? Не оттого ли, что не исповедуете, а скрываете пагубные помыслы свои? Ибо начало некое и корень прегрешений наших есть неуместный помысл, который, когда открывают его, милостию Божией прогоняется, а когда скрывают, мало-помалу переходит в дела тьмы. Отсюда душевные смерти, отсюда разделения друг от друга, отсюда самооправдательные слова, порождаемые неведением и заблуждением» (Добротолюбие, т. 4, гл. 334). «Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, не объявляемые духовному отцу, переходят в дела» (Леств., сл. 26, поуч. 21).

Как помыслы переходят в дела, это всякий может по себе знать. Разве наши ежедневные тонкие помыслы не зародыш, не причина наших последующих поступков и дел? И достоинство, например, художественных беллетристических произведений в том и состоит, что художники-писатели умеют подметить

* — Как важно одно лишь произволение и благой помысл, об этом можно судить по житию блаженной Таисии (10 мая) и у Н. Святоторца (т. 1, письм. 38) приводится рассказ, как «Господь вменяет в дело греховные помыслы и похотения, если они не очищены искреннею исповедью».

зародыш того или другого чувства в помыслах, проследить их развитие и обнаружение. Одно слово, одно сознательное ощущение какого-нибудь лица, не заметное часто для него самого, обнаруживается потом в его действиях. «Я то же самое, что и ты», — говорил смиренный Алеша Карамазов своему брату Димитрию, исповедовавшемуся ему в том, «как он любил разврат, любил и срам разврата». «Все одни и те же ступеньки, я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно непременно вступит и на верхнюю» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, 4-е изд., стр. 130). Всякая страсть в простейшей своей форме есть помысл и всякий помысл в сложной форме — страсть; вся, значит, разница между ними в степенях. Если же мы этого не замечаем и будем лишь следить за делами только, а не за помыслами, то мы, значит, будем заботиться о внешней красоте своего сосуда, допуская возможность быть ему внутри полну грязи и нечистоты, показываем неразвитость своего нравственного чувства.

Итак, кто хочет победить страсти, охранить себя от них, тот должен очистить источник их — помыслы. «Истязуй помыслы на пороге сердца, наши ли они или от сопротивных. Кто тщательно истязует помыслы, тот бывает истинным ревнителем и об исполнении заповедей» (Св. Феод. Ефес., гл. 70).

«Пока «дети Вавилонские», т.е. движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и со-

крушать их о камень, который есть Христос» (Преп. Серафим Саровский; Житие, стр. 299).

«Отсекающий помыслы отсекает все» (Свт. Феофан Затворник)*.

Новоначальным подвижникам, не окрепшим еще в борьбе, советуется начинать с малого — научиться сначала побеждать прилоги. «Приучайся побеждать малое, если хочешь победить великое. Кто не может погасить одной свечи, как потушит дом или целый лес, когда загорится?» (Леств. 5 сл. 32). «Только совершенные могут допустить войти помыслу и опять изгнать его. Но ты не вноси огня, чтобы он не сжег дубравы твоей» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 69).

«Разумный деятель, — говорит и Петр Дамаскин, — отвергает лукавый прилог — мать зол, чтобы разом отсечь все происходящее от него злое, а благой прилог обращает в дело, чтобы тело и душа пришли в навык добродетели» (Твор., кн. 1, стр. 225).

Искоренить большое, укрепившееся дерево мы, конечно, без помощи других при всем своем усилии не можем, но вырвать малую былинку с корнем в наших силах (См. притчу о кипарисах у аввы Дорофея, поуч. 11).

Лучше благовременно прогнать помысл исповеданием, чем безуспешно и безвременно бороться со страстью.

* — «Молитва Иисусова тут всепобедительное орудие... подвижни ненависть (к похотной греховной сласти) и стой в молитве Иисусовой» (Свт. Феофан Затворник; Душеп. собесед., 1896 г., вып. 3).

«Исповедайте друг другу согрешения, — говорит Апостол, — и молитесь друг за друга, яко да исцелете». (Иак. 5, 16).

Если добро и зло в помыслах и настроении, то на этот источник и нужно обращать внимание и попечение. Дурными мыслями, не обнаруженными даже в поступках, мы причиняем себе зло, и даже вдвойне зло: а) греховные помыслы не открытые не влекут за собою естественного воздаяния, которое иногда здесь еще, на земле следует за ними и б) они, не открытые, подобно серной кислоте, разрушительно действуют на наше тело, очерствляют его, мутят чистый источник. И как ложка, одна только ложка, дегтя портит целую кадку меда, так и один греховный помысл, одна страсть нарушает все доброе душевное устройство, обезценивает его.

«Если возле сада, — говорит преп. Макарий Великий, — с плодоносными и благоухающими деревьями, обнесенного малою стеною, протекает быстрая река, и если вода слегка ударяет в стену, то будет вредить ее основанию, найдет себе проход, понемногу размоет основание и, вошедши в сад, поломает и искоренит все деревья и растения, уничтожит все труды и сделает сад бесплодным. Так бывает и с сердцем человеческим: потоки греха постепенно врываются и ниспровергают все красоты души, в ничто обращают добрые помыслы и приводят душу в запустение» (Твор., стр. 256-257). «Орел, если и весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся сила его; ибо не в сети ли весь он, когда удерживается в ней одним когтем? Не может ли ловец схватить его,

лишь только захочет? Так и душа, если только одну страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает его» (Авва Дорофей, поуч. 11).

Навык в страсти какой-либо тем и опасен, что зародыши нравственного зла быстро размножаются; малейшая потачка страстям ставит человека на опасный путь сделок со своею совестью и по этой наклонной плоскости, даже незаметно для него, приводит его к гибели.

Подобие этому можно найти в изображении писателями гибельных трясин. Это страшные погибельные места для человека! С первого раза и не видишь опасности: они представляют из себя ровную, гладкую, покрытую сочною свежеею зеленью и цветами поляну. Веселая луговина так и манит путника к себе: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понежиться на душистой, ослепительно сверкающей земле. Но бежать ему нужно страшного места, бежать скорее, без оглядки, если не хочется верной гибели. Чуть только путник ступит на эту заколдованную поляну, чуть только, по незнанию или из удалства, шагнул вперед пять-десять шагов, ноги его начнет затягивать в жидкую трясину и, если он поспешно и осторожно не выберется тотчас назад, он погиб. Ничто не поможет... напрасно он будет выбиваться из сил и искать точку опоры, напрасно будет кричать и звать на помощь: подвижная масса уходит под ногами, затягивает сильнее и сильнее его... жертве нет спасения!..

Но является вопрос: возможно ли выполнить послушание старцу, посильный ли этот многотрудный подвиг? Правда, что послушание наставнику много

труда, труда до крови требует. Много путей ведет в Царство Небесное, но самый трудный действительно путь — это добровольное несение креста на свою Голгофу и распятие себя самого на нем. Много добродетелей христианских, не легка из них самоотверженное и смиренное послушание. Великая вера требуется от последователя Самого Христа, но меньшая вера требуется от послушника во имя Его, без сомнения верить простому же смертному старцу, как Христу, и безпрекословно и без рассуждения во всем повиноваться ему, постоянно открывать ему свои помыслы и т.п.

Труд, и труд большой, здесь требуется от послушника. Без многопопечительности и многотрудничества с его стороны нельзя, конечно, и обойтись: ведь старец спасает его, но его же собственными силами, — старец из глины, добровольно вручаемой ему, послушника делает новый сосуд Божий, но качество сосуда зависит от состава глины, ее мягкости и самоочистки.

«Даждь кровь, и приими дух», т.е. потрудись до пролития крови, и получишь духовное дарование; «томи томящего», изведи из темницы душу (плоть и кровь царствия Божия не наследят; 1 Кор. 15, 8).

«Спотрудись, сподвигнись, вспотей над тем, что я сказал», — говорил старец Варсануфий Великий ученику (отв. 61, 24); «ищи соли и соосолю тебя» (70); «я приступаю за тебя ко Господу, но если и ты также не проступишь, то срам велик», и много может молитва праведного лишь споспешествуема (Иак. 5, 16), а молитве праведного послушник споспешествует послушанием и покаянием (отв. 622). Да

в том и заключается главное условие духовного союза между учеником и старцем, чтобы первый исполнял все повелеваемое: «если соблюдешь заповедь мою, лучше же сказать, Божию, свидетельствую, что я дам ответ за тебя в день суда Божия (отв. 58); если же нарушишь что из сего, я не повинен, ты узришь и отвечать будешь в день он страшный» (отв. 57).

«Смотри! Ежели не будешь, в законном и к назиданию души твоей, слушать многогрешного мнимого старца твоего Льва (Леонид Оптинский в схиме), то отступление твое накажет тя» (Жизнеописание, стр. 73).

Итак, послушание — труд до крови.

Но скажите, что человеку дается даром, без труда? Чем ценнее вещь, тем труднее ее приобретение и чем труднее ее приобретение, тем она ценнее. Приобретение богатства вещественного, приобретение знаний, земледелие и т.п. — разве не требуют громадной затраты труда и энергии, сухоты — заботы и бессонных ночей? Не есть ли и это своего рода мученичество? А земная слава чего стоит человеку?

В подтверждение сказанного из многих примеров приведем хотя один наглядный. В Парижской галерее изящных искусств находится знаменитая статуя. Она была последним произведением великого гения, который, подобно многим другим гениальным людям, был очень беден и жил на чердаке, служившем ему и мастерской и спальней. Когда статуя была почти совсем готова, вдруг ночью сделался в Париже мороз. Скульптор не мог заснуть в нетопленной ком-

нате и думал о том, что глина еще не успела засохнуть, что вода в ее порах замерзнет и в один час разрушит мечту его жизни. Тогда старик встал с постели и старательно укутал статую своим одеялом. На следующее утро вошедшие в комнату соседи нашли скульптора мертвым, зато статуя была невредима (из лекции проф. Генр. Друммонда). Земное бессмертие скульптора стоило ему трудов, лишений и даже жизни!

Возражающие против многотрудности послушания должны прежде всего помнить, что все кто «искусство из искусств» изучается и приобретается послушником постепенно, при помощи уже опытного, прошедшего школу послушания старца.

«Знай же, брат, — говорит великий старец, — что дающий заповедь дает ее не просто, но помогает молением и молитвами, чтобы ты сохранил ее» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 366).

Преимущество послушания старцу заключается потом и в том, что труд у послушника не многосложен: он знает одно только дело послушания своему старцу, у него одна лишь забота — об отсечении своей воли. «Твое дело только отсекасть свою волю: кто отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так, что он не знает, как то бывает, дарует Свою волю и соделывает ее неизгладимою в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтобы он познавал ее, и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Св. Духа» (Преп. Сим. Нов. Богосл., гл. 110).

Послушник исполняет лишь безпрекословно все советы и приказания старца, а до всего остального ему дела нет, за плоды его послушания, за спасение

отвечает старец. И действительно, ближайшим, незаменимым следствием веры и послушания старцу и является успокоение, — спокойствие за себя и свое спасение у послушника. Ученик чувствует непосредственно безопасный кров над собою и твердую почву под собою. «Верю, — говорит послушник от сердца своему отцу, — что Господь спасает тобою душу мою, твори со мною, что внушит тебе Господь. Я уже не я» (Преп. Варсануфий Великий, отв. 57). Свое спасение послушник считает уже решенным, смерть не страшит его. «Один великий подвижник в продолжении целых восемнадцати лет телесными ушами не слышал от наставника своего привета: «спасайся» (что выражает желание и еще неизвестность), но внутренними ежедневно слышал от Самого Господа: «Ты спасен» (что уже определенно и несомненно) (Лествица, сл. 4, поуч. 107).

«Послушник не боится уже смерти — ожидает ее как сна или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ» (Леств., сл. 4, поуч. 50). «Поверьте мне, братья, — говорит, на опыте познавший покой при послушании своему старцу, авва Дордфей, — поверьте мне, что я был в великом покое, в полном безпечалии, так что я даже и скорбел об этом, ибо слышал, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14, 21), и видя, что у меня нет никакой скорби, я боялся и был в великом недоумении, не зная причины такого спокойствия, пока старец не объяснил мне этого, сказав: не скорби, ибо каждый, передавший себя в по-

слушание отцам, имеет сей покой и безпечалие» (поучение 5, стр. 86).

Покой бывает, конечно, и оттого, что «что бы с послушником, не имеющим своей воли, ни случилось, он бывает спокоен, как будто исполнилось его собственное желание. Ибо кто не имеет своей собственной воли, для того все, что с ним случается, бывает согласно с его волею: он не имеет пристрастия, а от безпристрастия приходит в безстрастие» (Авва Дорофей, поуч. 1). Таким образом, окормляемому старцем послушнику присуще душевное спокойствие: у него нет беспокойства за успех и плоды своего послушания, нет у него места нерешимости и колебаниям в его трудовой жизни: старец и вера ручаются за успех его труда. И как, однако, важно и нужно нам такое спокойствие и уверенность в том, что мы не всеу, не тщетно трудимся! Часто у человека опускаются руки от того, что он не уверен в благоприятном исходе своих трудов, бездействует потому, что не видит их венчающего конца и, таким образом, при недостатке веры, не прилагая своих талантов, получает мзду неверного раба.

Кроме этого, самый труд послушника много сам в себе имеет сладости и утешения. «Знаю я послушническое иго, — говорит св. Феодор Студит, — знаю болезненность отсечения воли; но опять ведаю и сладость такой жизни: по отсечении воли путь легок и спасение удобно; стоит только отсечь волю — и явится покойная и блаженная жизнь» (гл. 241). И труден собственно и особенно послушнический труд в начале, но «как при каком-либо путешествии сначала непривычность к пути делает шествование тя-

желым и трудным, с продолжением же его, когда мускулы поразомнутся и плоть поразмякнет, оно бывает менее трудно и тяжело, и более споро: так бывает и когда мы шествуем путем Господним (Св. Феодор Студит, гл. 32)».

«На пути добродетели чем более подвинешься вперед, тем легче будет казаться путь твой» (Свт. Иоанн Златоуст).

«И путь добродетели для начинающих кажется жестоким и претрашным не потому, что он сам по себе таков, а потому, что человек с самого исхода из чрева матери привыкает жить пространно и в удовольствиях; но кто прошел до середины пути, для того он является благим и отрадным, и душа уже со всем удовольствием, с исчезновением самой памяти о безсловесных удовольствиях, шествует по всем стезям добродетелей. И Господь говорит: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30; блаж. Диадокх, гл. 93; Ник. Стиф., гл. 1, 23-24). Потому-то св. Феодор Студит и называет послушание подвигом многопопечительным и безпечальным. *«Послушание, — говорит он, — многопопечительный и безпечальный подвиг: многопопечительный, пока еще кто одержим своими желаниями; безпечальный, когда кто успевает совершенно отсечь свою волю. И что может быть сладче, возжеленнее и радостнее, как жить по заповеди и ничего не делать по своей воле?»* (Св. Феодор Студит, Добротолюбие, т. 4, гл. 306). «Рассказывают о птице, называемой сирена, что всякий, слыша сладкозвучие ее голоса, так пленяется, что, идя за нею по пустыне, от сладости пения забывает жизнь свою, падает и умирает. Сим изображается то, что

бывает и с душою. Когда ощущается ею небесная сладость, тогда от сладкозвучия словес Божиих, переданных чувством уму, душа устремляется всецело вослед этой сладости, так что забывает свою телесную жизнь; и тело лишается пожеланий своих, а душа возносится из этой жизни к Богу» (Преп. Исаак Сирин, сл. 85).

Наконец, что главное, вся многотрудность послушания оправдывается и искупается его высшею целью — приятия духа, обожествления, Хриstopодражания. А ради этой великой и высокой цели можно пострадать и до крови!

«Болезни, — говорит св. Исаак Сириянин, — в настоящем веке переносимые за истину, нейдут в сравнение с услаждением, какое уготовано страждущим за доброе. Как за сеющими в слезах следуют рукояти радования, так и за злостраданием ради Бога последует радость. Сладок кажется земледельцу хлеб, добытый потом; сладки и делания ради правды сердцу, приавшему ведение Христово» (сл. 56).

Послушническое предание себя старцу есть предание себя Богу и вместе с тем принятие в себя Бога, Богоуподобление, Боговмещение.

Отрекаясь себя пред старцем, послушник отрекается и пред Богом, избегая старческого суда, он избежит и Божьего суда, отдаваясь душою и телом наставнику, он вручает себя Богу. «Объявляю вам, — говорит старец ученикам, — что еще прежде прошения вашего, я уже предал вас Святой Животворящей и Безначальной Троице к охранению от всякого зла. Но есть иное предание, более грозное, более тяжкое и страшное, более вожденное и возлюбленное, бо-

лее честное и славное. Это когда раздастся блаженный и животворящий глас Спасителя: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира» (Мф. 25, 34). Тогда совершится великое его (врага нашего) предание, когда предаст царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24). Тогда же каждый из Святых, приводя сынов, которых Бог спас чрез него, громогласно и с великим дерзновением при общем удивлении Святых Ангелов и всех небесных сил, скажет: се аз и дети, яже ми даде Бог (Исх. 8, 18); и не только их, но и себя предаст Богу; и тогда Бог будет всяческая во всех (1 Кор. 15, 28) (Преп. Варсануфий Великий, отв. 208)».

Бодрствуй духом, да крепися
Сердце верой к небеси,
Что понести тебе случится,
Все с терпением неси,

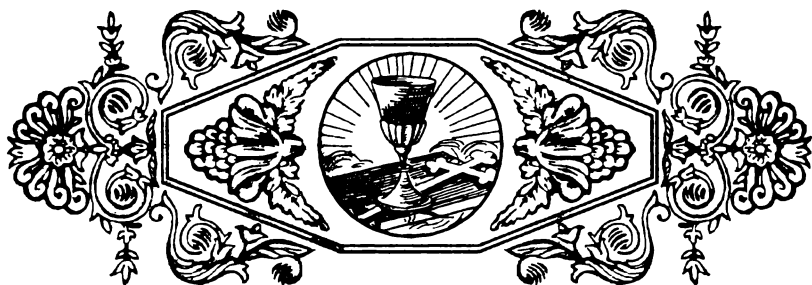
* * *

Будь уверен в надежде;
Кто понес крест тяжкий прежде,
Тот и твой крест понесет.
Он управит и спасет.

* * *

Обыми ты мыслью всею
Волю Божью, не свою;
Согласись всем сердцем с нею
Укрощать волю твою...

(Из стих. Георгия Затворника Задонского).

Г Л А В А 5

Великое достоинство и плоды послушания. Лествица послушания, возводящая чрез смирение к любви и Богу. Заключение.

*«Монах, от всех отделяясь,
со всеми состоит в единении»
(Преп. Нил Синаит).*

«Пресвятое послушание, — говорит Паисий Величковский, — в трех местах было насаждено Богом: на небесах, в раю и на земле. В этих трех местах явился плод преблагословенного послушания и плод треклятого преслушания. На небесах насаждено был послушание в силах небесных и нарушено самовластным произволением диавола, плод чего — низвержение с неба и лишение света Божественного; в раю насаждено было в первозданных людях и самопроизвольно, по гордости, ими же нарушено, и плод сего — изгнание из рая и смерть всего рода человеческого; на земле, наконец, насаждено Божественное послушание Христом — Сыном Божиим в святых учениках и Апостолах» (см. жизн. Паисия Велич.,

стр. 242-243). И величественно-недосягаемый образ Самого Подвигоположника Спасителя останется образцом послушания на все времена. В чем состояла вся Его земная жизнь, какая цель Его пришествия и конец Его? «В главизне книжне писано есть о Мне; еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех» (Пс. 39, 9) — вот что Он говорил чрез пророка о цели Своего пришествия в Ветхом Завете. Исполнение воли Бога Отца, послушание Ему — вот причина пришествия Господа. Ради этого послушания Он — Бог рождается от Девы в уничиженном виде, в яслях, по закону (да подзаконные искупит), обрезается и живет в послушании у мнимого отца Своего Иосифа и Матери Своей — «и бе повинуюся има». Как премудрый и совершенный имел ли Он какую-нибудь нужду в каком-либо учении и руководстве людей несовершенных? Что для Себя Он мог извлечь из их руководства? Однако Богочеловек повиновался просто человекам. Имѣя свободную волю, Он добровольно и охотно покоряет ее воле Божией. «Раздаятель немислимых благ, Владыка сый всяческих, Он благоволил восприть не пустынный, не страннический, но послушнический образ жизни. Ибо Сам сказал о Себе: снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца (Ин. 6, 38), и еще: яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю; но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что възглаголю (Ин. 14, 10; 12, 49); Аз посреде вас есмь, яко служай» (Лк. 22, 27; св. Феодор Студит, Добротолюбие, т. 4, гл. 38 и 184). Свое послушание Он решительно во всем обнаружил: и в Своем пришествии, и в преподании учения Пославшего, и, главным образом, во вкушении страданий и

испитии горькой чаши смерти, безропотном несении креста и самовольном пригвождении к нему за грехи распинавших Его людей. И послушание никогда не оскудевало в Его сердце: «не яко же Аз хошу, — говорит этот Агнец, взявляй грехи мира, в Своей Гефсиманской первосвященнической молитве Богу и Отцу, предвкушая поругания, заплевания, раны, биение и крест, — не яко же Аз хошу, Отче, но яко же Ты». — Я боюсь как человек, но если чаша сия не может миновать Меня, Я выпью ее — пусть прольется Моя кровь: да не будет воля Моя, но Твоя должна быть. «Не Моя воля, но Твоя да будет!» (Лк. 22, 42; Мф. 26, 42).

Итак, Христос, зрак раба приим, был послушлив Отцу даже до смерти, смерти же крестныя (Филипп. 2, 7-8). Послушания ради пришел, в послушании жил и умер. «Тем же и Бог Его превознесе».

И жизнь Апостолов и жизнь Святых стала светлою, быв возвеличена послушанием (Св. Ефрем Сирин, Добротолюбие, т. 2, стр. 471).

Послушание есть прямо выражение именно любви самоотверженной Богу. Внутреннее чувство — любовь — обнаруживается вне: в послушании, покорности любимому существу, в стремлении угодить ему. И так как Бог есть любовь, то и приблизиться, и угодить Ему мы ничем иным не можем, как любовью же и послушанием. — «Аще Мя любите, заповеди Моя исполните, пребудете в любви Моей» (Ин. 14, 15; 15, 10), как Он Сам говорит.

«Сие убо Божественное послушание, насажденное от Самого Христа Господа во св. Его ученицех преиде во святой ангельский монашеский чин, в нем же

мнози во святем послушании, яко солнце просияша и совершенно Богу угодиша, и весь монашеский чин на святом послушании основан есть» (Жит. и писания Паисия Величк., изд. 3-е, 1892 г., стр. 244).

Прилагаемое во всей своей полноте в старческом устроении, где вся жизнь и окормляющего наставника — старца, и окормляемого ученика представляют непрерывный подвиг послушания, послушание, во-первых, превосходит другие добродетели и, во-вторых, служит источником христианских добродетелей.

На лестнице иноческих обетов послушание стоит выше всех, как самый трудный и важный. Важна добродетель нестяжательности, властвующая над вещами, важнее ее — целомудрие, властвующее над плотью, но важнее их обоих — послушание, как властвующее над духом. Из трех подвигов: поста, чистоты и послушания — первый доводит до половины пути к Богу, второй приводит ко входу и последний поставляет пред лицо Бога (Пролог, 16 февраля).

«Один великий старец, — рассказывал авва Руф, — видел четыре чина на небе: в первом чине стоял недугами удрученный и благодарящий Бога; во втором — безкорыстный и услужливый странноприимец; в третьем — безмолвный пустынножитель; в четвертом, наконец, чине — послушный своему наставнику, всецело преданный ему ради Господа. Сей последний за послушание свое носил щит и багряную одежду и больше всех прочих блистал славою». И это потому, что странноприимец упражняется в добродетели по своей воле, пустынный живет вдали от света тоже по своей воле и удрученный недугами поневоле страдает; но сей, живущий в послушании, отказывается от

всех своих желаний и во всем зависит от Бога и отца своего, — потому и получает большую пред другими славу (Достопамятные сказания; О подвижничестве отцев, стр. 294).

«О послушание, — восклицает авва Руф, — ты спасение всех верных, ты мать всех добродетелей! Ты находишь царство, ты отвергаешь небеса и возводишь людей от земли на небо! Ты питательница всех святых: они питались твоими сосудами и возрастали в совершенствах! Ты сожительница Ангелов!» (Достопамятные сказания, стр. 295)

«Послушание должно предпочитать подвижничеству: последнее научает высокомерию, а первое — смиреномудрию» (Синклитикия; Достопамятные сказания, стр. 326).

«Ничто не приносит такой пользы людям, — говорит авва Дорофей, — как отсечение своей воли и, по истине, от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. И как человек, который идет путем, найдя на нем жезл и взяв его, с помощью этого жезла проходит большую часть пути своего, так бывает и с тем, кто идет путем отсечения своей воли: он приобретает безпристрастие, а от безпристрастия приходит, с помощью Божией, и в совершенное безстрастие» (поуч. 1). По учению Варсануфия Великого, «послушание искореняет все страсти и насаждает всякое благо (отв. 223), открывает Сыну Божию вход в человека (отв. 226), возводит на небо и делает подобными Сыну Божию» (отв. 248). «Без послушания, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — нельзя узреть Бога» (сл. 4, поуч. 8). «Послушливый мо-

нах с благим дерзновением будет стоять при кресте» (Св. Ефрем Сирин, Добротолюбие, т. 2, стр. 484).

Превосходя другие добродетели, послушание, как мы сказали, кладется в основание добродетелей — «насаждает в душе прочие добродетели и насажденные охраняет» (Св. Григорий Великий, *Moral caput*, 35, 16), и по лестнице добродетелей лучше всего возводит ко Христу.

«Малая и великая лестница послушания, — говорит св. Григорий Синаит, — имеет пять степеней, возводящих к совершенству: первая — отречение от мира, вторая — подчинение (вступление в обитель с обетом исполнять монашеские уставы), третья — послушание (подчинение на деле в жизни), четвертая — служение, пятая — любовь, которая есть Бог... Действуя всецело по заповедям, послушание таким образом устроит лестницу из разных добродетелей, и их, как восхождения, располагает в душе» (Св. Григорий Синаит, Добротолюбие, т. 5, гл. 120). Как первые две указанные степени: отречение от мира и подчинение иночеству — суть лишь степени подготовительные к послушанию, так и само послушание в первый период, насколько оно имеет в виду отсечение воли и искоренение страстей у послушника, имеет отрицательный характер — подготовительный, но оно становится положительною добродетелью, переходя в смирение. «Смирение и послушание — искоренители всех страстей и насадители всех благ (отв. 223); «Смирение отсекает страсти душевные, а злострадание — телесные» (Преп. Максим Исповедник, Добротолюбие, гл. 76, 1-я 100).

Эта положительная добродетель, к которой ведет послушание, — смирение — и полагается в основу здания — насаждения добродетелей. «Как строящий чувственный дом известью скрепляет камни, чтобы они не выпадали и дом не рушился, так и созидающий дом душевных добродетелей должен иметь известью — смирение; всякая добродетель, совершаемая без смирения, — не добродетель. О сем сказано в Отечнике: «Как корабль нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия» (Авва Дорофей, поучение 1)*.

Основание, корень и плод добродетельного подвижнического жительства — смирение: им начинаются, сопровождаются и кончаются все другие добродетели. «Преуспеяние души — преуспеяние в смирении» (Св. Василий Великий, ч. 5, стр. 62).

«Если, — говорит преп. Варсануфий Великий, — не смиришься, то не послушаешь, если не слушаешь, то и не любишь; если не любишь, то и не веруешь; если не веруешь, то и не надеешься» (отв. 228).

«Страсти, подобно хворосту, сгорают от духовного огня. Назначаю тебе одно врачевание против страстей: смирение. И Господь сказал: вселюся во смиренных» (Ис. 57, 15; отв. 223).

Являясь плодом старческого окормления («телесных трудов и послушания в разуме»; авва Дорофей, поуч. 2; Леств. сл. 4, поуч. 54; сл. 25, поуч. 22) чаще

* — В душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое, будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви» (Св. Иоанн Кассиан; Добротолюбие, т. 2, гл. 153).

всего и скорее всего, смирение само по себе имеет великое достоинство. «Если, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — от одной страсти — гордости, без всякой другой, некто ниспал с неба, то должно исследовать, не возможно ли смирением, и без других добродетелей взойти на небо?» (сл. 23).

«Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели: оно соделывает нас сынами Божиими и без него напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание» (Св. Исаак Сирин, сл. 46; Преп. Каллист и Игнатий, Добротолюбие, т. 5, стр. 394).

«Видел я однажды, — говорит св. Антоний Великий, — все сети врага, распростертые на земле, и со вздохом спросил: кто же избегает их? И услышал голос, говорящий мне: смиренномудрие избегает их, они даже не прикасаются ему» (Достопамятные сказания, стр. 7; Добротолюбие, т. 1, стр. 135; Авва Дорофей поучение 2).

Что же такое смирение? «Смирение, — по определению преп. Варсануфия Великого, — состоит в том, чтобы считать себя землею и пеплом на деле, а не на словах только, ни в каком случае не почитать себя за нечто» (отв. 191, 271 и др.).

«Мы сошлись и исследовали значение и силу св. послушания. Один определял его как всегдашнее забвение своих исправлений; иной видел его в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех, иной видел его в сознании умом своей немощи и безсилія, в примирении, безгневии и т.п... Я же определяю оную добродетель так: смиренномудрие есть бе-

зымянная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство, Божие дарование, Божие именование; ибо Господь говорит: научитесь не от Ангели, не от человека, не от книги, но от Мене, т.е. от Моего в вас вселения и осияния и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29; Леств. сл. 25, поуч. 3).

Св. отцы различают два рода смирения: первое состоит в том, чтобы почитать ближних разумнее себя и по всему превосходнее, «почитать себя ниже всех». Второй же вид смирения состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги — это есть совершенное смирение святых (Авва Дорофей, поуч. 2). Первый вид смирения — начало, второй — конец. «Смиряющийся считает себя грешнейшим всех людей, срамнейшим всех тварей и окаяннейшим бесов» (Св. Григорий Синаит, Добротолюбие, т. 5, гл. 115).

Как объяснить подобное смирение подвижников, — справедливо ли их вменение себя ни во что? неужели на самом деле они хуже всех? Нужно сказать, что такое смирение естественно рождается в душе, как естественно и то, что многоплодные деревья всегда преклоняют и нагибают свои ветви книзу.

Ведь наш тот или иной взгляд на себя и других служит ясным показателем нашей духовной жизни. В самом деле, если я вижу недостатки ближнего, осуждаю его, считаю его худшим себя, не показываю ли я тем самым, что в моем глазу бревно, что я не совершенен и не знаю себя?

«Один брат спросил старца: «Отчего я постоянно осуждаю братьев?» «Потому что ты еще не познал се-

бя самого. Кто знает себя, тот не смотрит на других», — отвечал старец (Луг духовный, гл. 144).

«Если будем внимательны к своим грехам, мы не будем смотреть на грехи ближнего. Ибо это безумие человеческое оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего» (Достопамятные сказания, стр. 193).

«Мы и братия наши, — говорит Пимен Великий, — как бы две картины. Если человек смотрит на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем он видит совершенства. Если же сам себе кажется совершенным: то, сравнивая с собою брата, находит его худым» (Достопамятные сказания, стр. 261). Все, значит, зависит здесь от предмета нашего внимания и осуждения: если он вне нас, на ближних, — мы самообольщенные святые праведники, если он внутри нас, то ближние нам покажутся прекрасными святыми, а мы себя увидим грешными. Итак, осуждая других, мы осуждаем себя: о ближних мы судим по своей внутренней настроенности. «Имею множество опытов, — говорит авва Дорофей, — подтверждающих ту истину, что всякий судит о других по своему устроению. Приведу пример. Положим, что кому-либо случилось стоять ночью на каком-либо месте, и мимо его идут три человека. Увидев его, один думает: он ждет кого-либо, чтоб пойти и сделать блуд. Другой: это, должно быть, вор. Третий из них думает: он сговорился с кем-либо из ближайшего дома вместе пойти куда-либо на молитву и ждет его. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако ж не одно и то же возымели о нем мнение, но один — одно, другой — другое, третий — еще

иное, и очевидно каждый — сообразно со своим душевным состоянием» (поуч. 16). Справедливо, значит, положение, что хороший человек везде видит лишь хорошее, а дурной — дурное. И «тот подлинно человек чист сердцем, кто всех людей видит хорошими, и никто не представляется ему нечистым и оскверненным. Ибо как исполниться слову апостольскому, по которому должны мы всех равно от искреннего сердца честью больших себе творить (Филипп. 2, 3), если не будем сказанного, что доброе око не узрит зла» (Аввак. 1, 13; Св. Исаак Сирин, сл. 21). Хорошо говорит Премудрый: видяй право помилован будет (Притч. 28, 13) и вся противна суть мужу безумну (Притч. 14, 8; авва Дорофей, поуч. 16). Не имеющий в себе любви не находит ее и в других, не обретший внутри себя Царствия Божия, не видит его вне. «Если же человек, — говорит Пимен Великий, — достигнет того состояния, о котором сказал Апостол: вся чиста чистым (Тим. 1, 15), то увидит, что сам хуже всякой твари» (Достопамятные сказания, стр. 249). Человек, вступивший на путь совершенства, устремляя взор свой внутрь, познавая себя, по мере этого познания считает себя худшим всех. Прежде, при страстях и миролюбии, он не видел лесу из-за деревьев, теперь же он яснее видит свое настоящее положение во тьме заблуждений, яснее видит не только лес — страсти, но и мелкие кустики — помыслы. Так солнечный луч, пробившись чрез скважину в темную комнату, освещает все темные предметы и показывает даже тончайшую пыль, носящуюся в воздухе (Леств. сл. 26, стр. 223; блаж. Диадокх, гл. 27). Существо человеческой природы таково, что чем ближе человек стоит —

приближается к совершенству, тем далее от него это совершенство. Чем лучше, например, художник осуществляет свою идею на полотне, тем более он ею не доволен. Так и здесь: «заповедь не имеет меры: чем более кто познает Бога, тем более сознает себя далеким от заповедей» (Св. Феодор Студит, Добротолюбие, т. 4, гл. 36). «Чем ближе человек к Богу, тем более сознает себя грешником. Пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя окаянным и нечистым» (Ис. 6, 5; авва Матой, Достопамятные сказания, стр. 194).

Великий подвижник, преп. Памва, после многолетних трудных подвигов говорил пред смертью: «Я отхожу, однако, к Богу так, как будто и не начинал еще жить Богоугодно и иночески» (Жит., 18 июля). «Я только коснулся начала своего покаяния», — сказал пред смертью и преподобный Сисой Великий, прожив в пустынноческих подвигах шестьдесят лет.

Сознание своей немощи и греховности может служить меркою нашего духовного совершенства. «Ты хочешь знать, сколько лучшим ты сделался? — спрашивает св. Григорий Богослов, — испытай себя, сколько худшим ты чувствуешь себя. Чем светлее твой взор, тем яснее ты видишь славу Божию и свою греховность» (Цветник духовный, стр. 185).

Итак, чем ближе к Богу — идеалу, тем грешнее себя считает приближающийся к Нему.

«Насколько кто имеет чистоту, — говорит св. Петр Дамаскин, — настолько видит себя многосогревающим, от того, что видит, а насколько много согрешает, настолько омрачается, хотя и видит себя имеющим чистоту, как насколько имеет знания, настолько считает себя незнающим» (Творен., кн. 1, стр. 22).

«Один из граждан города Газы, — повествует авва Дорофей, — услыша наши слова, что чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным, удивился и спросил: как это может быть? Я сказал ему: скажи, за кого ты себя считаешь в своем городе? Он сказал: за великого и первого в городе. А в Кесарии? За последнего из тамошних вельмож. А в Антиохии? За одного из простолюдинов. А в Константинополе, около Царя, за кого ты будешь считать себя? Почти за нищего, — отвечал он. Вот так и святые, — сказал я ему, — чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными» (поуч. 2).

Когда авву Зосиму какой-то софист спросил: скажи мне, как ты считаешь себя грешным, разве ты не знаешь, что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Старец отвечал: «Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным; не смущай меня, я подлинно считаю себя таким» (Авва Дорофей, поуч. 2, стр. 52).

Один брат спросил Пимена Великого: «Как я могу думать о себе, что я хуже убийцы?» Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом («Вся чиста чистым»; Тит. 1, 15), и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день» (Достопамятные сказания, стр. 250).

«Сам-то я хуже всех, — говорит оптинский старец настоятель Моисей, — другие только, может быть, думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознал, что я хуже всех» (Жизнеописание архимандрита Моисея, стр. 158).

Итак, сознание святыми себя людьми грешнейшими всех — сознание вполне естественное: чем человек более углубляется в себя, тем ничтожнее он считает себя пред своим идеалом. Друг Божий — Авраам, как припомним, называл себя пред Богом пеплом; царь Давид — червем, а не человеком, поношением человеков; Св. Апостол Павел считал себя грешнейшим и недостойнейшим сосудом. И праведник считает себя виновным не только за свои помыслы, но и за грехи и других людей, вменяет грехи других себе, считает себя виновным за всех и за все.

И святые отцы советуют подвижникам усвоить мысль, что они виновны («я и Бог — мы одни в мире» — преп. Варсануфий Великий, отв. 343) во всем, что все люди — ангелы святые, а мы — люди самые грешные. «Это не велико, что мысль твоя при Боге, — говорит преподобный Сисой Великий одному брату, — а велико увидеть себя ниже всей твари» (Достопамятные сказания, стр. 298).

Вменяя себя за ничто пред людьми, худшими всех, хуже даже скота, великие подвижники пред Богом считают себя «окаяннейшими бесов».

«Что ты хуже демона, — говорит один афонский затворник о. Тимофей, — это непререкаемая истина, подтверждаемая Евангелием. Ибо — творяй грех раб греха и вместе с тем диавола — владыки беззакония, начальника зла. А кто из нас чужд греха, кто не раб беззакония? А раб может ли быть выше своего владыки? С другой стороны, мы хуже демона потому, что за него не пролита безценная кровь Богочеловека и нет для него жертвы искупления, а мы, между тем, искуплены, оправданы, наследники Царствия Божия, и

лучше ли мы демона, при всем этом пренебрегая спасением?» (Письма Святогорца, т. 3, п. 7, прим.). «Поистине и звери, и скоты честнее меня, грешного, — говорит преп. Нил Сорский. — Поистине я ниже всего, потому что я осужденник, и ад уготован мне еще прежде моей смерти... Кто не восчувствует того, что грешник горше самих бесов, яко их раб и послушник, и сожигатель их, во тьму бездны сойти к ним должествующий? Воистину всякий, кто во власти бесов, горше и злосчастнее их самих. С ними низринулась ты, душа окаянная, в бездну!... почто прельщаешься умом своим и почитаешь себя праведною... горе прельщению и заблуждению твоему, о злобесне!» (Троицкий патерик).

Что такое сердце милующее? Св. Исаак Сирин на это отвечает: «Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при взрении на них, очи у человека источают слезы. От жалости сердце не может вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда, или малой печали, претерпеваемых тварию. *А посему и о безсловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами приносит молитву*, чтобы сохранились и были они помилованы; и о пресмыкающихся... *безмерною жалостию возбуждаясь до уподобления в сем Богу*» (подв. сл. 48).

Итак, вменение себя худшими даже бесов объясняется именно сознанием подвижником своего ничтожества пред Богом и свойством самой возгреваемой любви к Богу.

Дальнейшая, и последняя, степень после самоотверженного послушания и глубочайшего смирения,

которыми, «как двумя крылами послушник-подвижник воспаряет на небеса и собеседником Богу бывает» (Св. Феодор Студит, гл. 107), как естественное следствие нравственного самосовершенствования, как естественная теплота разгоревшегося духа, — есть любовь, которая есть Бог (1 Ин. 4, 8).

«Когда достигнем любви, — говорит преп. Исаак Сириянин, — тогда достигли мы Бога и путь наш совершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святый (сл. 83). Здесь, в любви и Боге — завершение всех подвигов и лестницы добродетели, не нужно уже здесь и научение, и руководство другого: тайноводителем, путеуказателем и просветителем чистой души является вечное Слово (Лествица. Слово к паст., гл. 15).

Эта любовь, уязвившая человека, заполняет всего его, приводит его к единению в себе: человек горит и питается небесным огнем, умом, сердцем и волею живет в Боге и естественные потребности человека не только уже не доставляют ему услаждения, но даже забываются... Авва Сисой пришел в меру сию, когда спрашивал ученика: «Ел я или не ел?» (Св. Исаак Сирин, сл. 21). Здесь царство покоя, безстрастия и истинной свободы чад Божиих. «Упоенный любовью Божией, в сем мире, то есть в доме рыдания, забывает все свои труды и печали, и, по причине своего упоения, делается безчувственным ко всем греховным страстям. Сердце его подкрепляется надеждою на Бога, душа его легка, как пернатая птица; ум его ежедневно возносится от земли, превыше всего человеческого парит своими помыслами, и наслаждается безсмертием у Всевышнего» (Св. Исаак Сирин, сл. 51).

«Когда обречем любовь, тогда станем питаться небесным хлебом и укрепляться в силах без работы и труда. Небесный хлеб есть Христос, сшедший с небеси и давая живот миру (Ин. 6, 33). Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обетовал апостолам, что вкусят ее в царстве Его. Ибо сказанное да ясте и пиете на трапезе царствия Моего (Лк. 22, 30), что иное означает, как не любовь? Любви достаточно к тому, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, веселящее сердце человека (Пс. 103, 15). Блажен, кто испиет вина сего! Испили его невоздержные — и устыдились; испили грешники — и забыли пути преткновений; испили пьяницы — и стали постниками, испили богатые — и возжелали нищеты; испили убогие — и обогатились надеждою; испили больные — и стали сильны; испили невежды — и умудрились» (Св. Исаак Сирий, сл. 83). Приводя человека в единение с самим собою, любовь объединяет его и с Богом, и со всем миром. «Весь мир, — говорит авва Дорофей, — подобен кругу, самая середина этого круга, центр — Бог, а радиусы — пути жизни людской. Радиусы, чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга, и чем ближе к центру, тем ближе между собой... Таково свойство и любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними и сколько соединяемся любовью с ближними, столько соединяемся и с Богом» (Авва Дорофей, поуч. 6; Добротолюбие, т. 2, стр. 617).

Здесь, таким образом, исполняются слова Христовой первосвященнической молитвы о единении чрез любовь со всеми христианами, подобно единению Отца и Сына (Ин. 17 гл.).

Любовь — это океан, соединяющий все источники, реки и моря, океан, напояющий всю землю, со всеми видами органических существ, океан, пьющий воду из которого не возжаждет во веки, имея эту воду источником воды, текущей в жизнь вечную. «Она есть огненный источник: в какой мере источает питье, в такой же мере распаляет жаждущего» (Лествица, сл. 30, поуч. 35). И «как огонь, возгоревшийся в сухих дровах, с трудом угашается, так и в подвижнике явившаяся и запавшая Божия теплота не угасается, будучи стремительнее огня» (Св. Исаак Сирин, сл. 85).

В то время, как любовь, возбуждаемая чем-нибудь, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого течение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды, любовь, которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник: потоки ее никогда не пресекаются (потому что один Бог есть источник любви) и питающее сию любовь не оскудевает» (Св. Исаак Сирин, сл. 30).

Возгоревшая в сердце любовь, услаждая человека неизреченною радостью, в возможной мере еще здесь, на земле, преображает внешний вид человека, обнаруживается, как мы выше говорили, у носителей ее, людей, преуспевших в добродетели, вне, наружи. «Когда весь человек, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — как бы срастворен Божию любовью, тогда и наруж-

ность его в теле, как бы в зеркале каком, показывает светлость души. Так прославлен Боговидец оный Моисей!» (сл. 30).

«Любовь к Богу, — закончим словами преп. Исаака Сириянина, — естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною... Лицо у человека делается огненным и радостным и тело его согревается. Отступают от него страх и стыд и делается он как бы восторженным... Страшную смерть почитает радостью, созерцание ума его никак не допускает какого-либо пресечения в помышлении о небесном...

Сим духовным упоением упоевались некогда Апостолы и мученики. И одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение; а другие из усеченных членов своих изливали кровь, как воду; в ужасных страданиях не малодушествовали, но претерпевали их доблестно; и, быв мудрыми, признаны несмысленными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных и в нестроениях были самые благоустроенные. Сего неразумия и нас достигнуть да сподобит Бог!» (сл. 73).

С восприятием Духа после послушания и труда до крови, с устройением в очищенном, безстрастном и горящем любовью сердце послушника обители для Бога (Ин. 14, 23) конец старческому окормлению, конец и нашим рассуждениям о старчестве...

О, «какой великий дар Божий принадлежать к числу спутников Христовых, идти узким путем, которым прошел Спаситель и Бог наш, нести часть креста, который для спасения моего всецело был поднят и принесен в жертву правосудию Божию Господом — Иисусом! Какое счастье, ради Христа Иисуса, с преданно-

стью Ему или нести потерю внешних благ: имущества, чести — или терпеть болезни в теле или скорби в душе! Преданные чувственности, живущие только внешнею жизнью не знают сего счастья; будете говорить вы им о сем даре благодати Божией, они не поймут вас» (Христ. чт., июнь 1847 г.; Письма оптинского старца Макария монахиням, т. 4, стр. 106).

А мы, любезный читатель, понимаем ли это счастье? — идем ли мы этим узким, тесным, но уже проторенным и углаженным путем путников-крестоносцев?...

И Ангел пел:

Кто крест однажды решил несть,
Тот распинаем будет вечно,
Но так как счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно!

* * *

Награды нет для добрых дел —
Любовь и скорбь — одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже!

* * *

Какое дело до себя
И до других, и до вселенной
Тому, кто следовал, любя,
Куда звал голос сокровенный!?

* * *

Но кто, боясь за ним идти,
Себя раздумием тревожит,
Пусть бросит крест среди пути,
Пусть ищет счастья, если может.

..... Минский.

г. Семипалатинск, 24 сентября 1899 г.

Москва
1995